Цитадель

Автор:
Гай Орловский

Цитадель

Гай Юлий Орловский

Марго Генер

Золотой Талисман #5

В мире, где правят меч и магия, каждый стремится занять лучшее место на празднике жизни. Когда находишь Золотой Талисман, кажется – все. Вершина достигнута, можно праздновать победу. Но есть проблема. Осколки могущественного артефакта рассыпались по склонам величайшей из гор и оказались в руках разных рас. Враждующих рас…

Марго Генер, Гай Юлий Орловский

Цитадель

***

В нескольких шагах над землей завис человек с арбалетом. Из глазниц выплескивается пламя. Его багровые отсветы подсвечивают волосы и скулы. Руки расставлены, словно собирается обхватить весь мир.

Он окинул хранителей осколков пылающим взором. Губы перекосила яростная ухмылка.

Ворг оглянулся и замер под всевидящим взглядом человека. Морда полузверя оскалилась, мышцы вздулись. Звериные инстинкты требуют бежать подальше от огня, но человеческое сознание сильней.

Несколько секунд человек неподвижно парил над землей. Камни на плато оплавились и почернели, народ в ужасе прижался к обрыву. За краем шелестит море, но мало кто хочет прыгнуть и разбиться в темноте о скалы.

Коротышка мелкинд прошептал еле слышно:

– Щит пока на месте. Еще какое-то время выдержит.

Он вцепился в связку амулетов на груди, губы зашептали заклинания.

Эльфийка растерянно посмотрела на мага, затем взгляд переполз на человека. Ее уши прижались, в глазах мелькнул животный страх. Она оглянулась на мирно шелестящее спасительное море, которое утром ее чуть не убило.

– Им нужен Талисман, – проговорила остроухая в темноту. – Надо спасать осколки.

Когда эльфийка обернулась к человеку, тот поднялся выше. Безумный взгляд застыл на ней, зловещая улыбка стала шире.

Лицо остроухой вытянулось, она вскрикнула и кинулась к краю обрыва. Тогда человек выбросил правую руку вперед, с ладони сорвался огненный столб. Треща и извиваясь, поток ударился в спину эльфийки, она вскинула руки и отлетела в сторону. Перевернувшись несколько раз, остроухая осталась неподвижно лежать на камнях.

Ворг неверяще посмотрел на эльфийку и прошептал:

– Убил…

Время замедлилось. Хранители осколков Талисмана вцепились в сумки и карманы. Взгляды приковались к бездыханному телу остроухой. После заката мир посерел и потерял краски. Только зарево от человека полыхает во все стороны, освещая плато кроваво-желтым светом.

Ворг перевел взгляд на человека, их глаза встретились. Во рту арбалетчика колыхнулось пламя, мертвое лицо исказилось. Человек медленно свел руки.

Полузверь хрипло закричал:

– Бегите!

Все кинулись в рассыпную. Гномы и гоблины в панике заметались по каменной пустоши. Кто-то сразу догадался, что нужно спасаться в воде, но большинство бегали по плато, спотыкаясь и падая. Лишь неповоротливый огр бросился наперерез мелкинду в сторону леса.

Человек заревел голосом подземной твари и метнул в ворга огненный сноп. Тот увернулся, но сноп изменил движение и нагнал его. Раздался хлопок, полузверь взвыл, схватился за бок и рухнул на краю обрыва.

Арбалетчик на этом не остановился. Он швырял огненные шары, хранители падали под натиском беспощадной силы. Против огненной магии не мог устоять даже маг мелкинд.

Человек метнул в него глыбу сразу после эльфийки, чтобы тот не выкинул чего-нибудь, и бесновался до тех пор, пока плато не усеялось телами хранителей.

Когда, наконец, не осталось никого, арбалетчик остановился и, тяжело дыша, окинул пустошь удовлетворенным взглядом. Человек несколько мгновений висел в воздухе, затем медленно опустился на каменистую поверхность и двинулся к телу эльфийки. В глазах арбалетчика отразился сияющий осколок.

Пролог

Холодный порыв ветра ударил в грудь, обереги на веревочках зазвенели. Чародей отступил на полшага и покачал головой, недовольный, что снова пришлось вызывать северный ветер.

– Пора придумать что-то поудобней, – пробормотал он. – Мне уже не восемьдесят. Тогда был мальчишкой, носился в вихрях, гонялся с птицами Рух.

Чародей переступил с ноги на ногу, борода колыхнулась над животом. Пока не белая, но несколько серебристых волосков уже появились. Затем переложил резной посох в левую руку, белоснежный камень в набалдашнике загадочно подмигнул хозяину.

– Вот и пришло время, – проговорил чародей посоху, словно тот мог понять.

Сияние в набалдашнике пошло волнами, граненая поверхность задрожала. Маг криво улыбнулся и похлопал посох по каменной голове. За десятки лет они так сроднились, что чародей иногда думал – не заклятье ли какое.

Но это были обычные тревожные мысли. Маг знал – все дело в привычке.

Обрыв уходит основанием в гномьи подземелья. Если верить старым книгам, там даже ночью кипит работа. Гномы трудятся в три смены, строго следя, чтобы стук кирок в рудниках не прекращался.

Горный народ чародею нравился. Несмотря на горячий нрав и страсть к золоту, они казались надежней высокомерных эльфов, например.

Чародей откинул широкий капюшон – все равно ветер сорвет, и вытянул руку над пропастью. Далеко внизу расстелилась каменная пустыня Черных рудников. Кое-где видно истерзанную временем породу с глубокими трещинами и каньонами. Гномы не поленились, и теперь в самых глубоких из них спрятаны входы в пещеры.

– Что ж, – сказал чародей задумчиво. – Я всех оповестил. И долго наблюдал, пока выполнят то, зачем послал. Пора им узнать главное.

Пальцы чародея затрепетали, перебирая невидимые клавиши, угольные глаза затянула белесая поволока. Он выкрикнул заклинание и сделал несколько резких пассов, которые освоил еще в начале магического пути, когда кровь бурлила и требовала подвигов, а в голове было лишь бахвальство перед простыми смертными.

Маг щелкнул пальцами, воздух загудел, небо затянулось серыми тучами. Когда на седеющую бороду упало несколько снежинок, чародей снова прошипел заклинание и юлой крутанулся на пятке.

Мантия раскинулась, словно крылья. В эту же секунду ледяной порыв налетел сверху и накрыл чародея белым покрывалом. Его ноги оторвались от скалы и худощавая, закутанная в мантию фигура помчалась над Черными рудниками.

Ледяные потоки обожгли открытую кожу. Не открытую тоже не пощадили. Чародей поежился налету и проговорил глухо:

– В следующий раз все-таки воспользуется порталом.

Он помнил, его создание требует больше сил, но получается безопаснее. Снег не лезет в лицо, а статус чародея позволяет перемещаться даже через зеркала, что в магической среде не прилично. Как и являться к незнакомцам в чужом облике.

Но чародею было плевать.

Он летел, вглядываясь в мелькающие внизу скалы, и боялся пропустить место посадки. В прошлый раз ошибся на целую версту. Пришлось идти пешком.

Резкий порыв тряхнул чародея, заставив сконцентрироваться. Мысли поплыли осторожно, стараясь не задевать часть ума, которая отвечает за контроль ветра.

Старец думал о Золотом Талисмане, который стукнулся о вершину осевой горы и раскололся на десятки частей. Но беспокоило его другое. Чародей спешил объяснить, что с ними делать, пока владельцы не сделали какую-нибудь глупость. Если от гномов и гоблинов можно ожидать, что попросту продадут, как безделушку, то эльфы и люди могут учудить что-то поинтересней.

Ихтионы, мелкинды, размышлял он. Потом вспомнил о нежити, которая должна была подобрать осколок в указанном месте, но явился ворг и перемешал все карты.

– Быстрее! – прокричал чародей, раскинув руки. – Нужно успеть во множество мест. Не подведи, северный!

Ветер взвыл, как голодный волк, снежные потоки ускорились, стали почти прозрачными. Серо-коричневые рудники внизу сменились зеленью, напоминая на такой высоте травяной ковер, где трудно разглядеть детали.

Чародей ухмыльнулся – видимость обманчива. Нельзя верить всему, что видишь, особенно когда за плечами годы странствий и опыта. Но это не главное. Главное он видел в изумрудном шаре.

Ради этого ему пришлось оставить наблюдательный пост. Хотя сидеть на месте и таращиться в гладкую поверхность куда приятней, чем носиться по миру в ледяных вихрях.

Маг крутанул посохом над головой, северный ветер засвистел, снежинки устремились вверх. Через несколько мгновений поток изменился и чародей по широкой дуге пошел на снижение.

Глава 1

На протяжении нескольких часов Каонэль молча висела на плече у странника, размышляя – почему Талисман не сработал, что имел ввиду Безумный маг, когда кричал на ворона и куда, в конце концов, ее несут.

Варда периодически перекладывал эльфийку с плеча на плечо и прятался за черными деревьями от проклятых душ, умудряясь коситься на серую. Она отвечала на странные взгляды фырканьем, но рыжий их даже не скрывал.

Каонэль решила, что Варда все еще не доверяет. Но об этом эльфийке хотелось думать меньше всего, потому что рядом роятся проклятые души и тревожно завывают. Стоит страннику сделать неверное движение – обоим конец.

Серая замерла на плече у Варды, и бессильно свесила руки. Тот крепче прижал и довольно ухмыльнулся.

Из Чумного леса они выбрались без приключений. Клыкастый лось не показывался. Души, издав протяжный стон, по одной уплыли в черноту леса. Однако, до самой поляны обоих не покидало ощущение слежки.

Когда деревья кончились и показалась крыша таверны, Варда опустил Каонэль и устало вздохнул.

– Сколько в тебе веса? – спросил он.

Она обиженно надула губы.

– Не знаю. Думаю, не больше, чем в козе, – ответила серая и отвернулась. – И вообще, у эльфиек такое не спрашивают.

– Это у эолумских не спрашивают, – сказал Варда многозначительно.

Руки Каонэль затекли от долгого висения. Она стала энергично растирать кисти, пока ладони не покраснели. Потом приложила к ушам – за время дороги они тоже остыли.

Каонэль нахмурилась, недовольная двусмысленным намеком Варды, но в словесную перепалку ввязываться не стала. Вместо этого демонстративно расправила края плаща и поправила корсет, в складках которого спрятала Талисман.

Губы эльфийки растянулись в искусственной улыбке, она захлопала ресницами. Весь вид ее кричит – при первой же возможности проучит самодовольного нахала, который постоянно напоминает, что она паршивый единорог в табуне.

Варда приготовился услышать язвительную тираду, но Каонэль сложила руки под грудью и сменила тему.

– Премудрый Варда, что теперь? – спросила серая с напускным почтением. – Зачем мы вернулись в Межземье?

Он пожал плечами и пошел вперед.

Эльфийка ждала, что странник остановится и что-нибудь объяснит, но тот даже не обернулся. Губы Каонэль разочарованно скривились, она фыркнула и подумала, что когда-нибудь точно его придушит, или покалечит.

– Нельзя быть таким самоуверенным, – прошептала она так, чтобы Варда не услышал. – Отправил белокожего эльфа в Эолум. Потом великодушно пронес через Чумнолесье.

Серая дернула плечами, вспоминая о клыкастом лосе. Вроде произошло совсем не давно, но память уже спешит затуманить страшное, сделать похожим на сон, чтобы потом совсем стереть.

Больше всего желтоглазую беспокоило то, что она все еще Каонэль. Безродная серая эльфийка, которую, по доброте душевной, таковой нарек отец белокожего – Тенадруин, казначей Эолума.

Недовольно вздохнув, она последовала за странником, чтобы ни дай боги, не попасть в лапы к проклятым душам. Те хоть и остались в лесу, но не известно, как далеко могут выходить за его пределы.

За воротами их встретил бородатый гном. На лице рубаки выражение, по которому ясно – видеть их совсем не рад. Варда широко улыбнулся, стараясь всем видом показать, что он вот такой безобидный, сама доброта. А его спутница ну совсем одуванчик.

Несмотря на очевидное недовольство, гном все же впустил эльфов и предложил ночлег, потому, что был владельцем таверны и цеплялся за каждого постояльца. Даже за того, кого за воротами с удовольствием пришиб бы.

Каонэль пыталась разговорить рыжего, но тот лишь хмурил брови и отмалчивался, пока не зашли в таверну. Как только сели в дальнем углу, подальше от шума, странник облегченно выдохнул и вытер лицо рукавом.

– Фух. Думал, никогда не отстанут, – сказал он, откидываясь на спинку лавки. – Слава зачарованным тавернам. И железо тут не жжется, и магические потоки блокируются. Был бы гномом – поселился бы.

Серая с подозрением посмотрела на него, стараясь углядеть издевку. Но лицо рыжего честное, даже немного скорбное.

– Ты о чем? – спросила она осторожно.

– А то не заметила, – ответил Варда и помахал гоблинше с подносом. – За нами следили.

Уши эльфийки настороженно поднялись, упираясь в капюшон. Она нервно покосилась по сторонам, и так сильно выпрямила спину, что послышался хруст костей.

– Кто это был? – поинтересовалась серая дрогнувшим голосом.

Подбежала зеленолицая. Перед странником оказалась кружка хлебного напитка и лепешка из желтой муки.

Он вопросительно посмотрел на серую эльфийку, ожидая, что та тоже что-нибудь закажет. Каонэль с сомнением покосилась на кружку с пенящейся жидкостью. От той идет резковатый, кислый запах. Затем покосилась на жирные пальцы гоблинши и покачала головой.

Зеленолицая разочарованно скривилась и ускакала к столу с одиноким гостем в капюшоне. Каонэль задержала взгляд на незнакомце, да так долго, что Варда оглянулся. Несколько секунд он изучал таинственную фигуру, затем, потеряв интерес, развернулся к тарелкам.

Пока серая косилась на соседний стол, рыжий осушил кружку и потребовал еще. От очередного предложения что-нибудь откушать эльфийка снова отказалась.

– Так что, – повторила она, – кто следил за нами?

– Да не знаю, – отозвался рыжий, причмокнув остатками хлебного напитка. – Но ощущение было четкое. По-моему, даже запах почувствовал. От Чумнолесья, конечно, можно ждать чего угодно. Но я там бываю чаще других, а такого не встречал.

– Может проклятые эльфийские души? – предположила серая и вытянула ноги под столом.

От усталости мраморно-серая кожа Каонэль стала слегка землистого цвета. Ей пришлось бежать почти три дня без передышки, толком не есть и не спать. Вдобавок разные твари пытались отправить ее к забытым богам.

Варда, хоть и издевается, но смотрит с заботой и восхищением на безродную серую эльфийку, которая умудрилась победить Безумного мага.

Он покачал головой.

– Нет. Души бродят стайками. Не могут поодиночке ориентироваться. А это… Оно было одно и слушало, о чем мы говорим.

На несколько минут повисло молчание. Слышно лишь сосредоточенное дыхание странника. Мужественное лицо посуровело, по лбу пролегла глубокая морщина, странник усиленно мыслит, почти слышно, как скрипят мозги. Каонэль прерывать не стала, только отодвинулась подальше.

Пока он размышлял, серая украдкой таращилась на заплечную сумку человеческой лучницы. Женщина быстро орудовала ложкой в тарелке с похлебкой.

– Наверное, безумно удобная вещица.

Рыжий повертел головой, наполнив щеки хлебным напитом, и вопросительно поднял бровь, Каонэль проговорила:

– Сумка. Вместо того, чтобы пихать в декольте, можно все аккуратно сложить и повесить за спину.

От ее слов Варда вздохнул так, словно ему на плечи гора опустилась. Он проглотил остатки жидкости и вытер губы.

– Слушай, – начал рыжий, поглядывая на корсет эльфийки. – Давай на чистоту?

Каонэль настороженно подняла опустившиеся, было, уши, в глазах мелькнула тревога. Странник помялся, серая наклонилась вперед, говоря всем телом – слушаю тебя внимательно. Между бровей рыжего пролегла морщина.

– Даже не знаю, как спросить, – проговорил он.

– Ну давай уже, не тяни, – сказала серая нервно. – А то уши к голове начинают прилипать. Сейчас бояться буду.

Эта глубокая морщина всегда появлялась, когда странник думал, накладывая на молодое лицо печать времени и нелегкой кочевой жизни.

Каонэль заглянула в его глаза, где всего на пару секунд появилась неизгладимая тоска. Словно воспоминания о Сильвиреле, который был прекрасным местом до прихода безумца, навечно отравили его душу. Человечишка умудрился разрушить то, что лесные эльфы строили веками, и даже месть не заглушила боль утраты.

Пауза затянулась. Когда мимо пронесся карлик, Варда очнулся, словно вынырнул из таких глубин, куда не погружался ни один эльф. Затем потер пальцами подбородок, задумчиво глядя на грязное стекло в окне.

– Да не бойся, – сказал, наконец, он. – Меня вот что интересует. Как ты его убила?

– Кого? – не поняла серая.

– Безумного мага, – пояснил эльф.

Желтоглазая замахала руками, но он вскинул ладонь.

– Нет, погоди, – проговорил странник. – Знаю, скажешь, что не в курсе. И я поверю. Не смотри на меня так. Я действительно верю.

Лицо Каонэль недоуменно вытянулось, она раскрыла рот, чтобы перебить, но повелительный взгляд рыжего заставил захлопнуть челюсти.

Варда придвинул пустую кружку и покрутил перед собой, не отрывая от стола. Кружка отозвалась тихим шорохом. За десятки лет локти посетителей отполировали столешницы до зеркальной гладкости.

Он снова заговорил:

– Это вопрос не одного дня. Дело в том, что от тебя не пахнет магией. Понимаешь? Совсем не пахнет.

– От Лисгарда тоже не пахло, – поспешно вставила эльфийка. – Только чем-то терпким и древесным.

Варда кивнул.

– Угу. Это и есть запах магии. У солнечных она с терпкой примесью из-за огня. Но тяжелый душок, который ты назвала древесным, отличает любой магический объект. Даже Талисман твой попахивает. В тебе же этого аромата нет. И мне совершенно не понятно, что за столб энергии ты выпустила в мага, от которого он спекся за несколько секунд. Для понимания объясню.

Он покрутил головой, проверяя зачем-то – не подслушивает ли кто, затем продолжил напористым шепотом:

– Верховный друид погиб в схватке с безумцем, но так и не смог его победить, а тут приходишь ты, и мага больше нет.

Пока Варда говорил о магии, эльфах и прочих отвлеченных вещах, его лицо оставалось относительно мирным, если хмурый лоб и скривленный нос можно считать выражением мира. Как только речь зашла о Сильвиреле и безумце –

странник ощетинился.

Каонэль отшатнулась и, на всякий случай, сжала кулак.

– И этот белоглазый ворон еще, – добавил Варда и отщипнул кусок от желтой лепешки. – Ничего непонятно. А если не понятно мне, тебе – тем более.

Складка корсета эльфийки зашевелилась, желтоглазая подпрыгнула от неожиданности, нос задергался, как у белки, которая вынюхивает – где оставила орех. Затем изящная ладонь дернулась к декольте, но на полпути остановилась и хлопнула по столу.

– Варда! – прошептала Каонэль возбужденно. – Он работает!

– Кто? – не понял странник.

Эльфийка поправила складки корсета, стараясь, чтобы это выглядело незаметно, но все равно получилось вызывающе. Варда даже бровь приподнял, любуясь, как она копошится пальцами в вырезе.

– Талисман! – шепнула она, показывая глазами в складку корсета. – Золотой Талисман. Я положила его сюда, как гаюин. Помнишь? Так вот, он сейчас отчего-то завибрировал и нагрелся.

Рыжий еще несколько секунд не сводил взгляда с выреза. Серые глаза загадочно блестят, уголки губ подрагивают – едва сдерживается, чтобы не расплыться в довольной улыбке. Наконец, насмотревшись, он отвернулся, делая вид, что очень заинтересован узором мантии человеческого мага, и спросил:

– А раньше не вибрировал?

– Вообще-то, при тебе пыталась его активировать, – сказала эльфийка и отклонилась назад. – Он совсем не работал. А теперь вот.

Каонэль быстрым движением схватила его за руку и приложила ладонью к корсету. От неожиданности рыжий охнул. Лицо осталось невозмутимым, но кончики ушей странника сделались пунцовыми, даже не смотря на загар.

– Чувствуешь? – спросила серая, не обращая внимание на отчаянные попытки рыжего отстраниться.

Каонэль держала ладонь до тех пор, пока не ответил:

– Угу. Гм, чувствую.

После этого он все же вырвал руку и спрятал под столом.

В глазах странника мелькнула тень смущения, эльфийка удивленно подняла бровь и вопросительно уставилась на него. Понять причины покрасневших ушей серой не удавалось, потому что, в конце концов, он видел ее без одежды.

Рыжий пялился в стол до тех пор, пока уши не приобрели нормальный оттенок. Затем снова отщипнул от лепешки, но есть не стал, а начал крутить хлебный шарик.

– Ты что-то с ним делала? – спросил он чуть охрипшим голосом и тут же прокашлялся, прочищая горло.

– Вроде нет, – ответила желтоглазая с сомнением.

Он не унимался.

– Может, потерла или зажала где нужно?

– Не знаю.

Варда продолжил крутить хлебные шарики. На столе образовался целый ряд из желтоватых бусинок. Пробегавшая мимо гоблинша предложила ему еще одну лепешку, тот согласился и попросил тарелку похлебки. Эльфийке предлагать не стал, потому что в прошлый раз отказалась.

– Подумай, – снова спросил он. – Что изменилось с тех пор, как мы покинули Забытую гору?

– Ну… – протяну серая задумчиво, – мы пришли в другую таверну.

Варда скривился.

– Я не об этом, – сказал он. – Наверняка, что-то с ним сделала. Не мог Талисман просто так взять и завибрировать. Если только он не живой. В таком случае, гм, допускаю.

Эльфийка недовольно скривилась, всем видом показывая, что ей не нравится самодовольная манера рыжего. Затем покосилась на стакан с остатками хлебного напитка. Варда предусмотрительно отодвинул, что бы они чудесным образом не оказались у него на лице.

– Ничего я не делала! – выпалила серая и сложила руки на груди. – Талисман сам загудел и нагрелся. Может потеплел он и от тела, но к гудению не имею никакого отношения!

Варда сказал с ухмылкой:

– Тут грех не нагреться.

Желтоглазая бросила на странника яростный взгляд и наклонилась вперед, хватаясь за остатки лепешки, чтобы запустить в самодовольную рожу.

Но тут на стол легла широкая ладонь. Эльфы одновременно подняли взгляды и застыли в напряжении. У стола стоит ни много, ни мало – человек.

Каонэль хищно прищурилась и отклонилась, готовая защищаться любыми способами. Варда остался неподвижным, но кулаки сжал. Незнакомец в таверне редко сулит что-то хорошее. Даже если таверна зачарована.

Лицо и плечи человека скрыты капюшоном. Рукав рубахи чуть оттянулся, открыв руку с черной порослью. Оружия не заметно, но эльфы переглянулись – такому и оружие не нужно. Видно – бьется голыми руками и нисколько этим не расстроен. Доспехов нет – дорожные штаны и те веревкой перевязаны.

Он незнакомца пахнет чем-то странным и резким. Рыжий фыркнул, пытаясь избавиться от навязчивого запаха. Так пахло бы стойло, куда загнали собак, котов, медведей и прочую живность, а потом одним махом облили хвойным настоем.

Когда незнакомец чуть наклонился к столу, Варда напрягся и схватился за клинок, но, видимо, вспомнив, что в таверне лучше не убивать, положил руки на стол ладонями вниз.

Незнакомец поклонился одной головой.

– Извиняюсь, – сказал он низким, слегка рычащим голосом, – но я случайно услышал ваш разговор.

Рыжий набычился еще сильней, жилы на шее вздулись. Еще не много и накинется на чужака, руководствуясь правилом – лучше сначала надавать по голове, а потом выяснять, кто и зачем.

– Как мог человек случайно услышать разговор эльфов, сидя через два стола? – спросил Варда с нажимом. – Иди отсюда, прошу тебя. В таверне убийства запрещены, да и к людям нормально отношусь. Но от тебя странно пахнет.

Незнакомец глухо усмехнулся и снял капюшон, открыв суровое, немного заросшее лицо. Из-за голоса кажется старше, но на вид – около тридцати по человечьим меркам. Волосы черные до плеч и похожи на конскую гриву – торчат непослушными волнами, кое-где даже спутались в узлы. Глаза тоже черные, настолько, что зрачки слились с радужкой. В остальном ни чем не отличается от остальных людей. Если не считать запаха.

– Не спешите. Я действительно случайно. У меня хороший слух, – проговорил он многозначительно.

Серая эльфийка буркнула:

– Да? Ты не слишком похож на эльфа.

Незнакомец отшатнулся и проговорил глухо:

– Упаси пресвятая медведица. Из меня эльф, как из гнома танцор.

Лицо Каонэль стало задумчивым, она остановила взгляд на подвыпившем гноме. Тот демонстративно размахивает секирой, рискуя снести кому-нибудь голову. Однако его это не слишком беспокоит. Даже наоборот – подкидывает в воздух и пытается пригласить плясать гоблиншу на раздаче. Та, естественно, в сотый раз шлет его лесом, но тот не унимается и показывает секиру, как главный аргумент в выборе плясового партнера. И не важно, что гномы танцуют, как поломанные куклы. Главное – задор.

– Что тебе надо? – не выдержал Варда.

– Может, дадите сесть? – спросил незнакомец осторожно и посмотрел по сторонам. – Не стоит посвящать остальных в разговор. Поверьте, вы заинтересуетесь.

Варда одарил его таким взглядом, от которого чужак должен был расплавиться на месте. Но незнакомец остался стоять, только края лацерны поправил.

Искренний тон чужака странника не убедил. Он медленно наклонил голову, огненные пряди упали лицо – обманчивый маневр для тех, кто считает, что бой можно вести только видя противника. Лишь серой видно, как раздулись ноздри рыжего и задергался нос.

Просидев несколько мгновений, но не дождавшись нападения, Варда поднял на Каонэль вопросительный взгляд – мол, что делать будем. Она округлила глаза и скривилась, как бы говоря, принимать решения задача эльфов, а не эльфиек. Но кивнула.

Варда сказал глухо:

– Для начала представься. Хочу знать, кого искать, чтобы отрубить голову в случае чего.

Незнакомец улыбнулся какой-то звериной ухмылкой, приоткрыв не в меру крупные клыки.

– Я Лотер, – представится он. – И я не человек, а ворг.

Варда отшатнулся и схватился за рукоять меча. Глаза прищурились и враждебно сверкнули из-под надбровных дуг. Каонэль неподвижно застыла, переводя непонимающий взгляд с эльфа на ворга и обратно.

– Настоящий? – не поверил рыжий.

– Нет, деревянный, – съязвил ворг, и вопросительно глянул на лавку рядом с Вардой.

Странник несколько секунд сверлил незнакомца взглядом. По лицу заскользили тени, на лбу от усиленной работы мыслей пролегла глубокая морщина. Уши встали торчком, сигнализируя всем – я готов к атаке, я грозен и опасен.

Окинув таверну пристальным взглядом, Варда на секунду остановился на гноме – хозяине этой богадельни, затем напряженно выдохнул и нехотя подвинулся.

– Ты правда можешь в кого угодно перекидываться? – спросил он недоверчиво.

Ворг уныло закатил глаза.

– Могу. Только не проси превращаться, а? Серьезно, – попросил он. – Очень надоело перед каждым представление устраивать.

– Ладно, – проговорил странник. – Хотя было бы интересно посмотреть.

Каонэль осторожно высунула нос из-под капюшона, показывая, незнакомцу – не один такой необыкновенный.

– Ворги? – спросила она вкрадчиво. – Что-то припоминаю, кажется, вы оборотни?

Варда нервно хохотнул и оперся спиной на стену. Правый локоть лег на стол, а левый – на спинку лавки. Теперь он мог смотреть прямо на чужака, а при надобности, дать пяткой в челюсть, не рискуя убить и превратиться в камень.

– Бедненькая, – проговорил рыжий, – совсем беда с твоей памятью. Ворги, сами по себе, редкость. Обычные оборотни перекидываются лишь в одного зверя, и то в лунную ночь. А ворги – в любого и когда хотят. Так?

Варда посмотрел на Лотера, тот кивнул, рыжий продолжил:

– Хотя эльфы не очень ладят с воргами.

– Эльфы ни с кем не ладят, – бросил чужак.

Рыжий проигнорировал колкость, но предупредительный взгляд воргу послал. Мол, не слишком-то зарывайся. Пока в таверне – мы все в безопасности. А вот за забором…

– Считается, что они полузвери, в отличие от простых оборотней, которые все-таки больше люди. Нежить, например, воргов, как ализарина боится.

– Почему?– поинтересовалась эльфийка.

Лотер оскалился, качая головой, и проговорил:

– Удивляюсь, как много о нас знают. Но как только видят – все равно просят перекинуться. А нежить боится, потому, что кости у них вкусные. Вот почему.

Желтоглазая брезгливо поморщилась, видимо, представляя, как ворг ест кости мертвяков. Даже носик задергался от воображаемой вони.

Она тряхнула головой, избавляясь от красочных картин. Капюшон сполз назад, водопад серебристых волос высвободился и упал на плечи беспокойными прядями.

Лицо ворга изумленно вытянулось.

– Ты же серая!– выдохнул он. – Думал, почудилось. Волчье племя, серая! Как так?

Каонэль удовлетворенно хмыкнула, довольная вызванным эффектом. Несколько гномов за соседним столом и два человека заинтересованно покосились на нее и принялись разглядывать. Особенно после того, как ворг заорал на пол таверны. Но через несколько мгновений интерес погас и они вернулись к тарелкам. В Межземье привыкли к разным диковинкам, даже серой эльфийкой не удивить.

Варде принесли долгожданную похлебку. В этот раз подошла высокая гоблинша с короткими клыками. Рядом с ней ее зеленые собраться – всего лишь плюгавые карлики. Перед странником опустилась глубокая тарелка. Зеленолицая сердито покосилась на Каонэль.

– Серая, что-нибудь будет? – спросила она, почему-то обращаясь к Варде. – А то сидит тут битый час, нет бы, заказать. И ей приятно, и мне денежка.

Желтоглазая недовольно поежилась и фыркнула, раздраженная тем, что сочли недееспособным довеском рыжего. В отместку она хищно прищурилась и оскалила аккуратные зубки.

– Принеси гуся, – прошипела серая.

– Чего? – не поняла гоблишна.

Довольная тем, что попала в яблочко, эльфийка наигранно улыбнулась.

– Именно, – подтвердила она. – Гуся в подливке и к нему три порции пирога с малиной или что там у вас.

Гоблинша вытаращилась на нее, но ничего не сказала, круто развернулась и покрутила широкими бедрами в сторону кухни.

Варда глянул на Каонэль с неприкрытым интересом. Пока она пререкалась с клыкастой, он закинул все хлебные шарики в похлебку и теперь аккуратно помешивает, чтоб те не развалились. Ворг терпеливо смотрит на желтоглазую, время от времени по-волчьи раздувая ноздри.

– Зачем тебе гусь? – вдруг спросил рыжий.

Серая небрежно отмахнулась и ответила, заправляя серебристые пряди за уши:

– А чтобы был.

Варда еще не начал есть. На ворга поглядывает с неприкрытой враждебностью, но тот сидит смирно, что плохо вяжется с рассказом рыжего об их неуемной жестокости.

Внешне Лотер выглядит как обычный человек, если не считать слишком волосатых рук и заросшей физиономии.

Он положил ладони на столешницу и чуть наклонился вперед. Стараясь не вызывать в эльфах лишнего напряжения, он замер рядом с Вардой и наблюдает за словесными пикировками.

– А платить за гуся ты чем будешь? – не унимался странник.

Эльфийка покраснела, даже кончики ушей сделались малиновыми. Глаза возмущенно сверкнули, но она не растерялась и дерзко выпятила грудь.

– Разберусь, – ответила серая. – А вообще за такими вещами должен эльф следить, а не эльфийка.

Варда округлил глаза, даже похлебку мешать перестал.

– Ну да, – сказал он под нос, – делов наворотишь ты, а разбираться мне.

Желтоглазая выпрямилась еще сильнее и прошипела:

– Тебя никто не просил тащиться с нами в Чумнолесье!

– Да? – взорвался странник. – Чтобы вы померли за первым же деревом?

Каонэль удивленно уставилась на него, не понимая причины такой бурной реакции. Но глаза рыжего блестят, едва молнии не мечут, жвалки играют.

Он уставился на спутницу бешенным взглядом и тяжело задышал. Эльфийка впилась ногтями в столешницу, изящное лицо исказилось в гримасе.

– Ну и померли бы! – выдавила она сквозь зубы. – Тебе-то что?

– Ничего! – гаркнул Варда. – Ну и глупая же ты бываешь, Каонэль.

В этот момент Лотер сунул руку за пазуху и положил на стол плоский осколок с синеватым свечением.

– Собственно, вот, – сказал он, прикрывая осколок ладонью, – Моя часть Талисмана.

Глава 2

Варда и Каонэль уставились на блестящий осколок на краю стола. Самодовольное лицо рыжего на секунду вытянулось, но быстро вернулось в норму, эльфийка тихонько охнула.

Лотер, довольный произведенным эффектом, хрипло покашлял. В черных глазах вспыхнули красные искры, он уставились на эльфийку.

Перестав, наконец, таращиться, Каонэль сдвинула тонкие брови и спросила:

– Откуда он у тебя?

Ладонь ворга предусмотрительно легла рядом с осколком, пальцы забарабанили в такт мелодии, которую играет на дудке седобородый гном. Играющие гномы редкость, но если встречаются, то всегда мастера. Они во всем привыкли выкладываться на максимум.

Лотер внимательно следил за лицами эльфов, которые стали совсем не добрыми после того, как увидели Талисман. Те даже не пытаются скрыть отношения –

хмурятся и жадно смотрят на осколок. Серая даже губы облизывает.

Пробегавшая мимо гоблинша, подозрительно покосилась на странную компанию. Обычно народ старается не садиться за стол с представителями других рас – гномы заседают шумными балаганами, распивают хлебный напиток. Эльфы и люди тихонько таятся за дальними столами и стараются не привлекать внимания. Бывают еще мелкинды, тролли, огры – эти вообще почему-то предпочитают одиночество. Но компания из эльфов и человека, который больше похож на зверя, не сулит ничего хорошего, несмотря на запреты убийств.

Гоблинша подошла к выходу. Возле двери стоит огромный огр с зелеными свалявшимися волосами и невесело взирает на таверну. Зеленолицая дернула его за штанину. Бровь гиганта вопросительно поднялась, он наклонился. Гоблинша покосилась на эльфов и что-то быстро зашептала на ухо.

Массивная туша переступила с ноги на ногу, он выпрямился и пристально посмотрел маленькими глазками на компанию.

Каонэль это видела, потому что сидит лицом к выходу. Варда развернут спиной, но догадался, что привлекли внимание. Уши задергались, как у нервного кота. Только Лотер сидит неподвижно и шевелит носом.

– Так что, – спросил Варда и покосился через плечо на огра. – Тебе задали вопрос. Ответить не хочешь?

Видя настрой эльфа, Лотер ощетинился и выпустил клыки длинной в палец. В глазах заиграли красные искры, волосы встали дыбом.

Каонэль отшатнулась, раскрыв рот, и схватилась за рукоять антрацитового меча.

В дальнем углу возле выхода огр подозрительно прищурился и уставился на проблемных посетителей. Плечи расправились, спина выпрямилась, он упер кулак в бок и утробно зарычал.

В таверну пришли еще три гнома и отвлекли внимание вышибалы. Они начисто отказались снимать огромные шлемы, утверждая, что без них чувствуют себя голыми. Огр настаивать не стал, но посмотрел так сурово, что всем стало ясно,

чуть что – вышвырнет за забор и разбираться не станет.

Из-за гномьих тел стало тесно, и гоблинши буквально просачиваются между широкоплечими рубаками. Те гогочут и стучат кружками о столы, постоянно требуя, чтоб подливали хлебный напиток.

Ворг оглядел таверну и открыл рот, чтобы заговорить, но из кухонной двери выплыла высокая гоблинша. Такие только на юге рождаются. В одной руке огромный поднос с дымящимся гусем, в другой трехъярусное блюдо с пирогами.

Широкобедрая гоблинша плавно приблизилась и расставила тарелки с пирогами на соседний стол, где сидят люди. Гуся опустила бережно, словно тот мог развалиться от небрежного обращения. Одуряющий запах мигом растекся по таверне, даже Каонэль голодно сглотнула.

Гоблинша оценивающе покосилась на ворга и выгнула спину. Закончив с тарелками, она развернулась к полузверю и спросила:

– А ты гуся не желаешь? Или может устал. За кузницей в конце постоялого двора дом с багровыми фонарями.

– Премного благодарен, – произнес ворг, переводя жадный взгляд с тушки на гоблиншу и обратно. – Не до того пока.

– Подумай про гуся, – хохотнула гоблинша и хлопнула себя по бедру. – У нас все свежее и горячее.

Она сделала акцент на последнем слове и эльфы переглянулись. Каонэль непонимающе вытянула уши, зато Варда злорадно ухмыльнулся.

Лотер смерил зеленолицую странным взглядом. По гоблинским меркам она красивая, хоть и клыки спилены. Зато руки крепкие, а у них такое ценится. Глаза большие, раскосые, а бедра – просто заглядение.

– Как зовут тебя, красавица? – спросил он терпеливо, одним глазом продолжая следить за эльфами.

– Закора, – ответила гоблинша и захлопала редкими ресницами.

– Вот что, Закора, – начал ворг. – У меня есть друг, который любит горячее и свежее. Правда не здесь. Если хочешь, отправлю ему весточку.

Гоблинша разочарованно выдохнула и направилась к кухне. На полпути обернулась и бросила через плечо, перекрикивая шум таверны:

– Черкани другу своему.

Затем резко крутанулась и скрылась за дверями так быстро, что эльфы не успели опомниться.

Ворг, довольный, что его, наконец, оставили в покое, снова развернулся к остроухим. Взгляд сосредоточенный, короткая пауза не остудила эльфов. Рыжий еще сильнее прищурился и подозрительно смотрит на полузверя. Желтоглазая не сводит взгляд с Талисмана, пальцы дергаются, будто уже его схватили.

Напряженное молчание длилось несколько секунд. Шерсть Лотера снова начала вставать дыбом.

– Каонэль задала вопрос. Ответа до сих пор нет. Ты точно ворг? Или может просто оборотень, которого проклял какой-нибудь плюгавенький маг? – спросил эльф. – А то о воргах я такое слышал. Не при эльфийке будет сказано.

Полузверь поперхнулся и долго кашлял, пока из глотки на стол не вылетел крупный кусок шерсти.

– Тебе прямо тут показать, какой я ворг? – прорычал Лотер. – Или за ворота пойдем, чтоб наверняка?

Ноздри Варды раздулись, дыхание участилось. Пальцы на правой руке сжались в кулак. Он послал Каонэль взгляд, в котором ясно читается – не лезь.

– Я не хочу драться, – проговорил ворг и глянул на вышибалу, убирая клыки. – Тем более в зачарованной таверне.

– И поэтому скалишься? – спросила серая эльфийка, игнорируя молчаливое требование Варды.

Странник наклонился к полузверю и зло скривился. Взгляд решительный, в глазах адамантиновый блеск.

Ворг даже не подумал отступать, лишь хищно глянул из-под бровей и замер в боевом оскале. Он хоть и ниже на пол головы, но в плечах шире.

Каонэль застыла в непритворном ужасе потому, что видела странника в бою, а ворг и без угроз выглядит совсем немирно. Несколько секунд они сверлили друг друга взглядами, заставляя огра на выходе нервничать все сильней.

– Имеешь что-то против ворговского оскала? – глухо прорычал Лотер.

Полузверь подобрал осколок со стола и убрал во внутренний край лацерны. Каонэль жадно следила, он как бережно прячет блестящий предмет. Затем медленно, оставаясь лицом к эльфу, поднялся со скамейки.

Варда осторожно выскользнул из-за стола и шагнул в сторону, прикрывая желтоглазую. Серая возмущенно и одновременно испуганно выдохнула. Изящные пальцы коснулись локтя эльфа.

– Вы же не собираетесь драться прямо в таверне? – спросила она, в надежде успокоить обоих и поближе подобраться к осколку.

Но рыжий слушал в пол уха, которое вытянулось вверх, как сигнал готовности к атаке.

– Ты права, Као, – проговорил он с нажимом. – В таверне не стоит.

Странник взглядом указал Лотеру на дверь. Возле нее с ноги на ногу переминается огр и пристально наблюдает. Полузверь глянул на вышибалу и молча двинулся к выходу. Варда последовал за ним.

Каонэль в панике вскочила, едва не перевернув лавку, и бросилась следом. Когда пробегала мимо огра, тот неожиданно опустил ей на плечо широкую

ладонь и проговорил густым басом:

– Если чего, кричи.

Серая эльфийка механически кивнула и прошмыгнула в дверь.

Сумерки накрыли Межземье сиреневым бархатом. Небо потемнело, из-за ограды доносятся трели сверчков и еще каких-то козявок, названий которых никто не знает потому, что приползли из Чумного леса.

Воздух пропитан влагой и запахом кухонь, где безостановочно жарится и парится. Рядом с таверной небольшой домик с вывеской, гласящей, что тут можно подковать лошадь, единорога, заточить когти медведю и любому зверю. Разумеется за дополнительную плату.

Каонэль повертела головой и шевельнула ушами, надеясь выяснить, куда подевались ворг и странник. С заднего двора донесся звериный рык, затем послышался шорох легких сапог.

Эльфийка бросилась за таверну, забыв натянуть капюшон. В сумерках серебряные волосы разлетелись по ветру, делая ее похожей на лесного духа. Через несколько секунд она оказалась на месте и застыла, как вкопанная.

Варда с рассеченной бровью, валяется на спине в лапах зверя. Тварь покрытая черной, как антрацит, шерстью, пытается дотянуться челюстями до его горла. Из глаз красное свечение, клыки побольше медвежьих.

Через секунду до нее дошло – это Лотер. Ворг. Ухо порвано в двух местах, края болтаются безжизненными тряпочками.

Она хлопала ресницами, пытаясь понять, почему полузверь еще не прикончил странника и не превратился в камень. Потом заметила, что рыжий придавил к его горлу меч. Так и катаются среди статуй на заднем дворе, пытаясь прикончить друг друга.

– Прекратите! – в отчаянии прокричала серая. – Вы совсем ополоумели?

Лотер пнул странника под дых, тот проигнорировал, потому, что эльфы мастера терпеть боль. Но давление ослабил. Ворг этим воспользовался и потянулся клыками к незащищенной шее. Но рыжий во время откинул голову и ворг лишь щелкнул зубами.

– Да что это такое! – крикнула Каонэль. – Вы окаменеете, болваны!

Ее призывы к благоразумию утонули в зверином рыке ворга, который умудрился выбить меч из руки эльфа. Он замахнулся огромной лапой и опустил со всей мощью вниз. Когти вспороли пустое место, он растеряно повертел головой в поисках беглеца.

Пока ворг готовился нанести удар, эльф успел отпрыгнуть на несколько шагов в сторону, потому, что соревноваться в эльфами в ловкости, все равно что ловить рыбу зимой голыми руками.

Каонэль видела, как оба уставились на блестящий клинок между двумя статуями. Ни ворг, ни бывший лесной эльф не решаются первыми броситься. Понимают – один мощный, как тролль, другой такой быстрый, что не угонишься.

– Да хватит же! – взмолилась серая эльфийка, переводя испуганный взгляд с одного на другого.

– Я сам решаю, когда хватит, – прорычал ворг и медленно пошел по кругу, приближаясь к мечу, чтобы отрезать путь рыжему.

Из глаз Каонэль брызнул желтый свет, она сделала шаг, чтобы кинуться на ворга, но вдруг резко развернулась и бросилась обратно в таверну.

Когда добежала, дверь с грохотом открылась. Оттуда вывалился огромный огр, таща за шкирку сопротивляющегося гнома. Рубака нелепо дрыгает ногами, глаза затянуты хмельной поволокой, а пальцы отчаянно шевелятся в надежде нащупать рукоять секиры.

Огр подозрительно покосился на эльфийку и тяжелой походкой проследовал к забору. Бедный гном тащится по деревянному настилу, сапоги гремят, он бормочет что-то несвязное и пьяное.

Когда вышибала приблизился к воротам, из сторожки у забора высунулась черная борода и нос картошкой.

– Чего? – спросила борода недовольно.

Огр поднял над собой трепыхающегося гнома и сказал гулко:

– Гость готов.

Борода печально вздохнула, затем показался весь гном с черной кудрявой шевелюрой и маленькими глазами. Он быстро просеменил к воротам, послышался лязг засовов. Открылась небольшая калиточка, рассчитанная, видимо, как раз на таких посетителей. А может потому, что хозяин таверны – гном.

Огр сделал шаг и, замахнулся, как в игре, когда нужно катать глиняный шар и сбивать выставленные в ряд бревна. Рубака в его руке обреченно простонал и кое-как сгруппировался. Загремели доспехи, гномье туловище вылетело за забор и скрылось в кустах ежевики.

Каонэль оторопело наблюдала за всем, пока, наконец, не вспомнила, зачем сюда прибежала. Тряхнув головой, она в три прыжка подскочила к огру и вцепилась в гигантскую руку.

– Пойдем скорей! – взмолилась она и посмотрела на вышибалу так жалобно, как умела.

Огр глянул на серую сверху, потому, что выше ее в два раза. Спрашивать не стал. Он сотни раз видел такой взгляд у эльфиек, гномок, гоблинш и человеческих женщин.

Каонэль кинулась обратно на задний двор, прижав уши, чтобы слышать – идет ли огр следом. Но это оказалось лишним, грохот шагов такой, словно там не огр, а целый тролль.

Эльфийка облегченно выдохнула, но тут же побледнела, увидев, как из-за угла вылетело бревно и ударилось в стену кузни.

Пыхтя, как загнанный единорог, она выскочила на задний двор и едва не споткнулась о лук Варды. Тот балансирует на голове статуи гоблина, умело уворачиваясь от прыжков ворга.

Увидев Каонэль он отвлекся, и Лотер сбил его на землю.

Эльфийка зажала рот ладонью, Варда кувыркнулся два раза и оказался возле своего клинка. Когда потянулся к мечу, из-за таверны вышел огр и тяжелой походкой направился к дерущимся. От шагов статуи тихонько зазвенели, с глухим стуком ударяясь о настил.

Лицо недовольное. Видно – подобных заварушек насмотрелся вдоволь, и меньше всего хочется искать место на заднем дворе для окаменевшего убийцы, где уже скоро ставить будет некуда. А затем думать, куда деть труп, потому что владелец на прошлой неделе запретил хоронить на территории постоялого двора. В Чумной лес соваться не охота, а копать прямо возле забора никто не разрешит.

Серая с надеждой смотрела, как приближается гигант, затем сложила ладони трубочкой возле рта и крикнула:

– Огр идет! Успокойте оба немедленно, иначе нас выкинут, как котят!

Варда покосился через плечо и сдул со лба рыжую прядь. Бровь разбита, багровая струйка сочится по виску. Он вытер кровь двумя пальцами и выпрямился. Лотер тоже остановился и угрюмо смотрит на вышибалу, который выглядит совсем не дружелюбно.

Громила подошел и остановился между ними, словно зеленая гора. Из ноздрей вылетают клубы зеленого пара, маленькие глазки смотрят сурово. Он сложил ладони и хрустнул пальцами так громко, что в стойлах заржала лошадь.

– Что тут делается? – спросил он густым басом и окинул двор таким взглядом, что все поежились.

Каонэль открыла рот, чтобы ответить, но Лотер вскинул ладонь и расплылся в зверином оскале.

– Да вот, – соврал он рычащим голосом, – не можем решить, кто за обед платить будет.

У Варды из раны над бровью снова потекла кровь, уши покраснели от напряжения. Он попытался вытереть багровую струйку локтем, но из-за чешуйчатых доспехов только размазал по лицу. Каонэль дернулась к нему, но огр посмотрел таким взглядом, что осталась на месте.

– Да? С этим есть проблемы? – спросил вышибала и сдвинул брови.

Каонэль наконец смогла рассмотреть задний двор. Вся территория за таверной заставлена окаменевшими в разных позах статуями. Гномы, огры, эльфы, люди, даже какой-то странный человечек, видимо мелкинд. Все они стали жертвой собственной кровожадности и злости.

Сумерки уже успели превратиться в ночь. На небе появились звезды и принялись мерцать на разные лады, будто предвещают снег. Но в этих краях это не возможно, потому что слишком тепло.

Деловитая гоблинша вышла из сеней возле кузни и расставляет у конюшни фонари, забитые светлячками. Постоялый двор наполнился зеленоватым светом, в котором огр кажется болотным исчадием. Он упер огромный кулак в бок и подозрительно уставился на ворга.

Лотер зарычал, но клыки убрал.

– Никаких проблем, – сказал он, возвращаясь в человеческий облик. – Я говорю, если съем гуся и поросенка, то мне и платить. А Варда считает, платить положено ему, потому, как я вроде, гость. Ну а серая, понятно, не в счет.

Желтые глаза эльфийки гневно сверкнули, но она смолчала. Только нос скривила.

Огр с сомнением посмотрел на Лотера и сморщил лоб.

– А силенок хватит? – спросил он.

Лотер хрипло усмехнулся и проговорил, облизывая вытянувшийся клык:

– У меня, конечно, желудок не огриный. Быка не впихну. Но с поросенком и гусем как-нибудь справлюсь.

Брови вышибалы перестали хмуриться, но взгляд остался суровым. Он поднес ладонь к губам и смачно плюнул. Затем провел по волосам, примазывая те, что выбились из общих зеленых колтунов и протянул таким тоном, что стало ясно – он всех раскусил:

– Ты мне зубы не заговаривай. Если сожрал стряпню, сам и плати. Нечего тут устраивать. За таким чешите к солнечным эльфам. У них, говорят, совсем крыша того. А не сожрал – топай отседава. И приятелей своих забирай. Мне такие не нужны.

Пока огр отчитывал Лотера, странник быстро собрал оружие и убрал на место. Драка с воргом не простое испытание. Даже для могучего и мудрого Варды, который даже троллей может обдурить.

Когда огр назвал их приятелями полузверя, странник вытаращил глаза и оторопело застыл возле статуи человека. Уши нервно задергались, словно хочет ответить что-нибудь резкое, но сдерживается, чтобы не провоцировать снова.

Странник покосился на серую эльфийку. Та переводит победный взгляд с него на ворга, и обратно. Мол, вот какая молодец, не дала друг друга пришибить.

– Про солнечных эльфов я только слышал, – согласился Лотер. – Но такого, что упаси меня волчица. А эти не солнечные. Эти, гм… Эти обычные.

Варда и Каонэль обменялись удивленными взглядами. Догадались – ворг видит эльфов впервые, и знает только понаслышке.

Каонэль хмыкнула. Как легко и просто ворг выяснил кто она такая. Вот оно как. Эльфы бывают обычными. Она, бедная, три дня гналась за Талисманом, чтобы тот помог вернуть память и объяснить, почему так отличается от других эльфов. А тут все просто. Обычная.

Огр приподнял мясистую бровь и посмотрел на ворга так, словно тот утверждал, что вода сухая. Полузверь понял, что сморозил глупость и замолчал.

Из-за угла таверны вышла еще одна северная гоблинша со связкой фонарей. В колбах мечутся светлячки, заливая постоялый двор зеленоватым светом. Тени от статуй вытянулись и приняли угрожающий вид. Сами статуи тоже стали казаться жуткими.

Каонэль, наконец, сдвинулась в места и подбежала к Варде. Тот угрюмо посмотрел на нее, словно это она виновата в драке. На что эльфийка захлопала ресницами и поправила вырез корсета. Рыжий моментально отвлекся на декольте, а серая вытерла сукровицу ему со лба.

Увидев странную компанию вместе с вышибалой, гоблинша недовольно закряхтела. Затем поставила один из фонарей на пенек и быстро удалилась.

– Так, – проговорил наконец орг. – Пузом чую, вы, ребята, не успокоитесь. Так что давайте собирайте пожитки и топайте. Упаси вас болотник, если услышу, что снова деретесь. Вытащу за калитку и сам поотрываю головы. Там чар нет.

С этими словами он развернулся и тяжелой походкой направился прочь. Компания гномов, наблюдающая в окно за развитием событий, разочарованно скривилась и вернулась к тарелкам и кружкам с хлебным напитком. Человек в длинной одежде тоже смотрел в окно. Но когда Варда бросил на него суровый взгляд, отвернулся, словно ничего не видел.

Через открытые форточки слышно, как гоблины бурно обсуждают красочную драку. Да так, что на заднем дворе слышно, как было бы весело, если бы ворг оторвал эльфу уши, а тот отсек зверю хвост, а потом оба рвали друг друга на части и умерли бы одновременно. Один доказывает – остались бы трупами. Другой считает, что они непременно должны окаменеть потому, что хоть и умерли, но все равно убийцы.

Каонэль потрясла головой и натянула капюшон, пытаясь спрятаться от навязчивых гоблинских голосов, но это не помогло. Коротышки замолчали только когда грохнула дверь таверны.

Эльфийка досадно вздохнула. Она рассчитывала хоть сегодня поспать в тепле и сухости. Хоть не в огромной кровати, но хотя бы, не на земле. И вообще – хотя бы поспать, чего она не делала уже давно.

– Все из-за него, – прошептала она Варде, косясь желтым глазом на Лотера.

Тот не повернулся. Но и так ясно – слышит. Он тронул пальцем разорванное ухо и поморщился. В черных глазах вспыхнули багровые искры, он глухо зарычал, но остался в человечьем облике.

– Если ты не заметила, серая, – проговорил ворг глухо, – не я начал.

– Ты, ты, – сказал эльфийка язвительно. – Надо нормально на вопросы отвечать, а не отмалчиваться.

– Не начинай, – оборвал ее Варда, и серая замолчала, на удивление даже себе. – Мы уходим. Я обещал найти способ заставить Талисман работать. Пусть ворг носится, где хочет. А у нас своя дорога.

Глаза Каонэль изумленно округлились, рот открылся. Когда Варда сделал шаг в сторону ворот, она вцепилась ему в локоть и проговорила горячо:

– Но как же так? У него тоже Талисман.

– Ну и что? – сказал Варда. – Если обратился к нам, значит и у него не работает.

С севера прилетел порыв ветра и принес порцию свежего воздуха. Кухонный смог над постоялым двором разорвался, показались звезды. Когда сверху упали две большие снежинки, моментально растаяв на деревянном настиле, Каонэль подняла взгляд к ночному небу и посмотрела вдаль.

Из-за леса несется большая темная туча, постепенно проглатывая звезды.

Лотер пошевелил носом и тревожно завертел головой, затем приложил ладонь козырьком ко лбу.

– Что за леший? – выдохнул он, вглядываясь в исчезающее ночное небо.

– Варда, что-то мне не по себе, – произнесла эльфийка, прижимаясь к могучему торсу странника.

Из сторожки у калитки выскочил взъерошенный гном с небольшим колокольчиком в руке, и засеменил к таверне. Колокольчик не столько звенит, сколько гремит, как медный таз. Но гном только усердней старается.

По пути он заметил эльфов и ворга. Глаза в ужасе округлились, брови вылезли на лоб. Гном схватился за бороду и поднял колокольчик над головой, продолжая отчаянно звенеть.

– Ветер! – проорал он надрывно. – Северный ветер!

Глава 3

От порыва верхушки деревьев в Чумном лесу наклонились. Над постоялым двором разнесся протяжный скрип, послышались испуганные крики птиц. Эльфы и ворг во все глаза заворожено смотрели на приближение бури.

Ночной воздух быстро остыл, над крышей таверны пронеслась порция снега. За ней последовала еще и еще, пока весь двор не оказался охвачен безумной метелью. Деревянный настил покрылся лужами от моментально тающего снега.

– Разве тут такое бывает? – наконец спросила Каонэль, все еще прижимаясь к рыжему эльфу в попытке спрятаться от ветра.

Тот застыл, как статуя. Лицо серьезное, губы плотно сомкнуты, уши встали торчком. В укрытую чешуйчатыми доспехами грудь ударяет ветер, но он расставил ноги пошире, чтобы удерживать равновесие. Готов ко всему, но взгляд непонимающий. Как и у Лотера.

Ворг вообще вытаращился, словно не тучу увидел, а рождение богов. Очередной порыв ветра заставил его пригнуться.

– Не бывает, – сказал эльф и бросил взгляд в окно таверны.

Гном с колокольчиком уже внутри, яростно жестикулирует руками и пучит глаза. Некоторые повскакивали с мест и бросились кто куда – вверх по ступеньками, вниз в подвал. Другие с перепуганными лицами стали поспешно закрывать окна, двигать к дверям столы. Зеленолицые гоблины заметались по таверне, как ужаленные. Из все еще открытой форточки донеслись перепуганные голоса.

– Дымоход! Дымоход закрывай!

– Кто-нибудь спрятал лошадей?

– Да брось ты их, – выпалил гоблин, подбегая к форточке. – Они тяжелые, может обойдется.

Стоящий рядом с окном коротышка печально вздохнул и сделал последнюю попытку.

– В прошлый раз унесло бочки с медом и две телеги, – сказал он молящее. – Лошади ему точно на один зуб.

– Если хочется, иди и прячь. Только потом сам ищи, где укрыться. Вход в таверну забаррикадируем, – проговорил другой гоблин и плотно закрыл форточку.

Шум таверны моментально заглох, но завывание холодного ветра усилилось. Снег теперь носится не струйками, а огромными волнами. Закручивается в замысловатые вихри и тает, достигая деревянного настила.

Инструменты на внешней стене кузницы тревожно зазвенели, фонарики с зелеными светляками перевернулись и покатились по настилу. Один налетел на угол таверны и разбился. Осколки вместе со светлячками разлетелись в стороны. Козявок моментально подхватило ветром и закружило в бешенном вихре.

В стойлах заржала перепуганная лошадь, все-таки тот гоблин не решился выйти и спрятать беднягу. Теперь животное в ужасе мечется, пытаясь спастись от бури, но не может, из-за того, что привязана.

Лотер опустился на четыре конечности, те стали почти одинаковой длины. Он ощетинился, снова превратившись в лохматую тварь. Когти и клыки вытянулись, вместо глаз красные угольки.

Он повернул к эльфам оскаленную физиономию и проорал хрипло, стараясь перекричать завывание ветра:

– Как хотите, а я сматываюсь!

С этими словами он прыгнул в сторону ворот, но снежный порыв врезался в полузверя и поднял в воздух, как пушинку. Ворга закрутило, обмотав лацерной, словно пеленкой. Из нее раздался протяжный вой, и Лотрера унесло в затянутую метелью темноту.

– Он погиб? – неверяще спросила Каонэль.

– Да какая разница, – бросил странник, схватив серую за локоть, и потянул в сторону конюшни, чтобы хоть там попытаться укрыться.

Когда Варда сделал шаг, со стены кузницы сорвались здоровенные клещи, видимо гномьи. Железяка пронеслась перед лицом эльфа. Тот едва успел отклониться, спасая нос.

Клещи пролетели через весь задний двор и с глухим звоном врезались в статую человека. Проклятая и, одновременно, защищенная чарами, она даже не треснула.

С Каонэль, в который раз, сорвало капюшон, волосы разлетелись во все стороны, полезли в рот и глаза. Отплевываясь от взбесившихся прядей, она закуталась в плащ и прокричала:

– Давай в лес! Там деревья! В такую бурю ни одна чумная тварь не вылезет!

Варда молча кивнул и присел от очередного порыва. Еще один фонарь со светляками ударился о стену и вдребезги разлетелся. Светляков подхватило и понесло на эльфов, закручивая по спирали.

– Ложись! – крикнул странник и рухнул на живот, утащив за собой Каонэль.

Они прижались к деревянному насту и прикрыли головы, но яростный порыв смерчем налетел сверху и поднял обоих над поверхностью.

Каонэль кричала, Варда дергал ногами, в попытке освободиться от невидимых ветряных лап. Сквозь снег и поднятый с земли мусор таверна быстро уменьшалась, время от времени теряясь в темноте.

Их закрутило как мелких рыбешек в водовороте. Шум ветра заглушил крики, снег набился в глаза и рот. Когда изящное тело Каонэль пролетало мимо Варды, он попытался дотянуться, но очередной рывок откинул в сторону.

В темноте мелькали какие-то лица, искаженные гримасами ужаса. Казалось, бесноватая круговерть будет длиться вечно. Но стоило Варде смириться с безысходностью, направление бури изменилось. Она с силой ударилась в землю.

Когда серая эльфийка открыла глаза, всюду валялись поломанные деревья, кое-где вырваные с корнем. Она проморгалась и перешла на ночное зрение.

Оказалось, буря каким-то неведомым образом опустилась в точно определенное место, не задев при этом остального леса. Несмотря на потерю памяти, серая эльфийка прекрасно понимала – бури себя так не ведут.

Она поднялась и, качнувшись на ватных ногах, повертела головой. Когда обнаружила рыжего сидящим у поваленной березы, Каонэль выдохнула:

– Варда!

На дрожащих ногах она бросилась к нему, но подбежав, охнула и прикрыла рот ладонью.

У странника оказалось пробито бедро. Он с холодным молчанием сидит, оперевшись спиной на ствол. Из ноги торчит обломанная ветка, лицо спокойное, словно не бедро проткнул, а созерцает Сильвирел. Из раны сочится тонкая багровая струйка, но если выдернуть – потечет сильнее.

– Терпишь? – спросила Каонэль, хватаясь за окровавленный конец.

Рыжий бросил на нее злой взгляд и сдунул волосы со лба.

– Если хочешь обругать, – сказал он не моргая, – можешь обозвать или к лешему послать. Зачем же так сразу лицом в грязь тыкать? Конечно терплю! Я эльф, если вдруг забыла.

Пальцы Каонэль сжали палку, она резко дернула вверх. Послышался смачный чмок, доспехи на бедре странника моментально залило бардовым. Недолго думая, эльфийка рванула край плаща и туго обмотала получившейся лентой рану.

Сама умудрилась отделаться несколькими ушибами, на которые не обратила внимания, потому что с болью у эльфов особый разговор.

В темноте послышался недовольный стон, больше похожий на рык. Через мгновение из куста ежевики на четвереньках выполз взъерошенный ворг. Шерсть дыбом, оскаленная рожа в царапинах. Лацерна сбилась на одну сторону и висит бесформенным жгутом. Рукав разорван, из пореза на плече сочится густая струйка.

Простояв несколько секунд с опущенной головой, ворг отряхнулся на собачий манер. В стороны полетели мелкие камешки, какие-то веточки и сосновые иголки. Каонэль брезгливо прикрылась плащом, загораживая Варду.

– Какая ты неожиданно заботливая, – проговорил рыжий, пытаясь подняться.

Эльфийка резким движением толкнула его обратно и проговорила насупившись:

– Станешь тут заботливой. Сиди. У тебя дыра в ноге.

Тем временем, ворг завершил отряхиваться и поднялся. Он глянул на испорченный рукав и скривился.

– Всегда не любил рубахи, – сказал полузверь, качая головой. – Бестолковая одежда. И так приходится вечно за штанами гоняться, так еще и эта тряпка.

Он вывернул локоть и глянул на порезанное плечо. Нос ворга шевельнулся, словно по запаху может определить тяжесть раны, кто нанес и что с ней надо делать. Затем лизнул длинным языком и деловито щелкнул зубами.

– А… ерунда. Затянется как на собаке. Или волке. Или медведе.

Закончив с собой, ворг обратил внимание на эльфов, которые недобро косятся на полузверя. У одной желтые глаза светятся в темноте и делают похожей на сову или кошку. У другого, хоть и не светятся, но во взгляде металл. Рыжий ранен, но не беззащитен.

Серая склонилась над ним, как орлица над орленком, и бросает однозначные взгляды на ворга.

– Не знаю, что это было, – произнесла Каонэль, повернувшись к страннику, – но тебе придется отдыхать, пока рана не затянется. Была бы у меня уртикания, это трава такая, мигом бы все залечили. Но ее нет, так что придется ждать.

Ворг с иронией посмотрел на эльфов и отошел подальше, чтоб не провоцировать новый конфликт. В общем-то, к остроухим он относился ровно, учитывая, что это – первые эльфы, которых случилось увидеть. Полузверь слышал, что они высокомерные, чопорные и благородные. Только эти совсем не тянут ни на чопорных, ни, тем более, на благородных. Высокомерные – возможно, но таких тоже не встречал, и сравнивать не с чем.

Когда Лотер собрался скрыться за деревьями, повеял легкий ветерок. Точно такой же, какой предвещал бурю. Ворг оглянулся на эльфов, те притихли и с тревогой смотрят в небо.

Ветерок подул еще раз из середины поляны. Раздался тихий звон, словно десяток ледяных частиц сталкиваются между собой, создавая странную музыку. Ворг попятился и остановился лишь когда уперся спиной в дерево, чудом выстоявшее перед натиском ветра.

Звук нарастал, до тех пор, пока не превратился в грохот, и неожиданно замолк. В этот же момент в середине поляны закружился вихрь, раскидывая в стороны снежные крупинки. Затем резко рванулся вверх, оставив внизу высокого старика

с длинной седеющей бородой.

На старике широкая коричневая мантия с капюшоном, в левой руке посох со сверкающей верхушкой. Лицо вроде с морщинами, но такими не значительными, что скорее борода добавляет возраст.

Из под бровей смотрят белесые глаза, которые, по определению, должны быть слепыми. Через несколько секунд они почернели, суровый взгляд остановился на путниках.

– Ты еще кто такой? – спросил Лотер, принимая боевую стойку.

Старик посмотрел на него так, словно малое дитя угрожает погремушкой. Затем перевел взгляд на эльфов. Те неподвижно сидят и напряженно смотрят на незнакомца. В темноте белый набалдашник посоха превращает тени фигур в нечто жуткое и вытянутое. Нос Варды кажется заостренными, под глазами нарисовались темные круги. Но взгляд решительный. В случае опасности замотанная нога его не остановит.

Взгляд Каонэль несколько секунд оставался прикован к старику. Желтые глаза светятся, словно адуляры солнечных эльфов. Губы сомкнуты, ладонь застыла на полпути к антрацитовому клинку.

Неожиданно она вскочила и с рычанием кинулась к старику.

– Ты! – прокричала она, перепрыгивая земляную кучу. – Я узнала! Узнала тебя, обманщик!

Старик, не глядя, поднял посох. Эльфийка, стукнувшись лбом о невидимую стену, упала на пятую точку. Взревев от обиды, она поджала ноги, чтобы вскочить с места, но старик вскинул ладонь и проговорил таким тоном, что она застыла:

– Не так быстро.

Варда бросил непонимающий взгляд на серую, и снова попытался встать. Если боль и доставляла ему неудобства, то об этом никто не узнал. Однако

незнакомец повелительно глянул на него и буквально пригвоздил к дереву. Была ли это магия или сами глаза оказали такой эффект – никто не понял. Но странник остался неподвижно сидеть и хмурить брови.

– Ты его знаешь? – спросил он, умудрившись сесть повыше, чтобы шершавая кора не давила шею.

Каонэль потерла ушибленный лоб и вытянула из-под себя край плаща, который при падении неудачно лег и надвил застежкой в шею.

Она нервно дернула ушами и проговорила гневно:

– Знаю? Да из-за этого проходимца мы три дня ломились сквозь троллей и утопленниц. Гнусный лгун! Если не хотел, мог бы и не говорить ничего. Зачем надо было врать про Талисман? Еще и на моей беде сыграл.

На последнем слове голос эльфийки дрогнул. Она зашипела, злясь на себя за неуместный прилив чувств, и отвернулась, уткнувшись губами в плечо.

Старик выслушал ее тираду с холодным выражением. Темнота за его спиной словно уплотнилась, превратившись в огромное бесформенное существо, готовое в любой момент напасть. Лишь свет кристаллического набалдашника посоха рассеивает мрак, играя тенями на лице незнакомца.

В глубине деревьев громко ухнул филин, напуганный снежной кутерьмой в обычно теплом лесу. Затем послышалось стрекотание ночных козявок, из травы повысовывались светлячки. Радуясь неожиданному освобождению, они, один за другим, стали подниматься вверх, мерцая зелеными брюшками. Лес постепенно пришел в себя после внезапной бури и вернулся к привычной ночной жизни.

– Успокоилась? – проговорил старик, строго глянув на эльфийку.

Она промолчала, вытерев нос локтем, и откинула назад растрепанные локоны. Серебристые пряди сверкнули в свете камня, в желтых глазах отразился набалдашник.

– Прекрасно, – сказал незнакомец, по-стариковски оперевшись на посох. – Ты зря панику навела.

Каонэль метнула на него очередной яростный взгляд.

– Зря? – прошипела она. – Зря?! Твоя побрякушка не работает.

Губы стрика скривились в ироничной улыбке, которая видна даже сквозь густую бороду. Легкий ветерок колышет ее в разные стороны, делая похожей на живое существо. Он сделал короткий шаг в сторону желтоглазой, но близко подходить не стал.

– Ты не права, – произнес стрик, – Талисман работает. Он обладает силой, способной двигать горы, осушать моря и вообще исполнять все, что душе угодно. Дело в том, что у вас лишь осколки. Думал, сразу поймете.

Серая раздраженно скривилась и посмотрела на Варду. Лицо рыжего побледнело, еще не много и станет похож на солнечного эльфа. У тех всегда кожа, как первый снег.

Странник приподнял повязку и задумчиво уставился на рану. По выражению лица ясно – то, что видит, ему совсем не нравится. Каонэль вытянула уши и тревожно нахмурилась. Тот, заметив пристальное внимание, сделал безразличный вид и уставился на незнакомца.

– Видишь, что случилось? – бросила зло желтоглазая, снова обернувшись к старику. – Все из-за бесполезного осколка.

Лотер, все это время стоял, прижавшись спиной к дереву, и внимательно разглядывал незнакомца. Ему не приходилось с ним встречаться, иначе бы точно запомнил. От старика веет неведомой мощью и древностью.

Когда серая заговорила об осколке, ворг оживился, жадно глотая каждое слово.

– Вообще-то не совсем так, – сказал полузверь, и все взгляды приковались к нему. – Силы моего, как говорит старик, осколка, хватило, чтобы вытащить их мира духов. А это, скажу я вам, очень не простое дело.

Старик одобрительно посмотрел на полузверя, от чего тот даже выпрямился. Воргов редко хвалят, и даже маленькая доля благодарности доставляет удовольствие. Через секунду шерсть на загривке зашевелилась. Так всегда бывало, когда кто-то таращился полузверю в спину.

Он обернулся и увидел, как странник с изумлением на него смотрит. Словно не может поверить, чтобы ворг смог извлечь из осколка крупицы магии.

Эльф несколько мгновений изучал его, пытаясь понять, что же еще упустил при первой встрече, затем повернулся к старику.

– Кто ты такой? – спросил Варда чуть охрипшим от слабости голосом.

Серая иронично хмыкнула. Незнакомец вытащил из потайного кармана небольшой зеленый камешек и глянул в него. Черные глаза странно блеснули, в зрачках закрутились маленькие водовороты. Он зашевелил губами, неразборчиво шепча, и на секунду стал похож на выжившего из ума старикашку. Но через мгновение лицо вновь приобрело прежние черты, зленный камешек скрылся в кармане.

– Нужно еще несколько минут, – сказал он многозначительно и повернулся к Варде. – Да будет тебе известно, странник, бывший лесной эльф, защитник Сильвирела, я – чародей. Называют меня по-разному. Бэйларон, Глумдар, Друборин, Малеф. Есть еще множество других имен, которые сейчас не вспомню. Выбирай любое, но мне по душе просто – чародей.

Каонэль раздраженно фыркнула, и наконец, встала, расправляя плащ. Трава, где она сидела, лишь немного примялась и уже стремится вернуться в прежнее положение.

Из-под поваленной ветром молодой сосны высунулась любопытная мордочка хорька и уставилась на серую. Черный носик задергался в стороны, зверек высунул лапку из укрытия и сделал робкий шаг. Взгляд эльфийки потеплел при виде пушистого комочка. Она, было, дернулась к нему, но тут же остановилась, вспомнив, что сейчас совсем не до зверей. Хорька это не остановило. Он вылез наружу и в три прыжка оказался под ногами Каонэль.

Желтоглазая сделала вид, что не заметила и остановила испытующий взгляд на чародее. Тот с легким любопытством наблюдал за зверьком. Когда хорек ткнулся носом в кожаный сапог эльфийки, старец, загадочно улыбнулся и проговорил:

– Не хуже лесного эльфы со зверьем ладишь.

– Зато с людьми не очень, – напомнила Каонэль и глянула на Варду, который стал еще бледнее.

Чародей проследил за ее взглядом. Хорек вздыбил шерсть и тихо зашипел, словно чародей самый страшный враг в лесу. Маленькие глазки решительно блеснули в темноте и взгляд застыл на посохе.

– Смотри-ка, – усмехнулся чародей, – защитника нашла. Один покалечился, так мигом другим заменила. Этот хоть и молчит, но отчаянный.

– Лучше хорьки, чем человеческие обманщики, – бросила эльфийка, подойдя к рыжему.

Она присела рядом и проверила повязку, стараясь не выпускать из виду чародея, который доверия вызывает все меньше. Хорек подбежал следом и воинственно уселся в ногах странника, который даже если и был против – сил на недовольство не осталось. Щеки белые, под глазами круги. Терпение боли и невозмутимый вид отнимают много энергии, но опозориться еще и в присутствии ворга и чародея куда хуже.

Ворг возле дерева стоит смирно, словно выжидает чего-то. К старику настроен дружелюбней, чем к эльфам, особенно после того, как тот его похвалил. Ладонь спрятана во внутреннем крае лацерны и что-то перебирает пальцами. Периодически высовывает слишком сильно и в темноте мелькает блестящая грань осколка.

Несколько минут чародей наблюдал, как эльфийка отрывает куски от плаща и накладывает новые повязки. Затем бросил короткий взгляд на Лотера и повернул голову к стене деревьев, за которыми тянется неизвестный лес.

– С человеческими тебе придется смириться, – сказал он.

Она развернулась, готовая бросить что-нибудь резкое и не достойное эльфийки, но там, куда смотрел чародей, захрустело. Густая листва разошлась, будто занавес, и на поляну медленно выехал всадник на лохматой северной лошадке.

Все схватились за оружие.

– Прибыл когда я и рассчитывал, – с удовольствием сказал старик.

Человек лежит на конской шее, руки свесились по обе стороны, покачиваются в такт лошадиным шагам. Серые волосы закрывают лицо. Из спины торчит древко стрелы, оперенное по-эльфийски.

– Убит, – сказала эльфийка. Голос ее быстро налился радостью. – И убит адамантиновой стрелой. Значит, поблизости эльфы! С этим я готова смириться, чародей!

Тот усмехнулся.

Следом за первой, на поляну ступила вторая лошадь, навьюченная клетками с голубями. Птицы топорщат перья и вздрагивают при каждом толчке.

– Теонард! Не стреляй, – сказал чародей. – Здесь тебя не обидят.

Все посмотрели на него.

– Это он так спит, – пояснил старик. – А стрелу подмышкой держит. Чтобы не будили. Или чтобы не убили по-настоящему, пока спит. Хитрый стал!

– Раньше я верил тебе больше, – сказал убитый поднимаясь. В одной руке он держал арбалет, второй накладывал ту самую эльфийскую стрелу.

– Засада! – закричала эльфийка, – нас провели!

Через миг все, кто был на поляне, изготовились к бою. Кроме чародея.

– Никто здесь не сможет убить другого, пока я против, – сказал он.

– Слишком много пустых обещаний, старик, – ответила сквозь зубки эльфийка.

– Не получится, – покачал головой чародей. – Придется договариваться.

– Тогда ладно, – сказал человек, первым убирая арбалет.

– Он всегда быстро соображал, – сообщил чародей.

Эльфийка бешенными глазами уставилась на чужака. За пределами таверны запретов на убийства нет, а от людей хорошего ждать не стоит. Дело не в обещаниях старика, просто человек понял, что со всеми не справится, вот и делает вид, что первый готов к миру! Насквозь лживый, как и все люди, везде пытается ухватить какую-то выгоду. Пальцы Варды играют на рукояти меча, но серая остановила, сказав взглядом, что лучше поберечь силы.

Ворг незаметно распустил мышцы, вид бесстрастный, будто ничего и не случилось. На своем веку людей повидал не мало, и вообще его часто с ними путают. Это хоть и обидно, но порой упрощает жизнь, особенно если дело касается дочек сыроваров.

Человек оглядел собравшихся. Взгляд серых глаз мутный, усталый, долгая дорога въелась плотной коркой в лицо, в длинные волосы, в изношенный плащ. Когда смотрел на эльфийку, дернулся, будто хотел потянуться за арбалетом.

– Не знаю, кто вы все, – сказал он хриплым голосом. – И не хочу знать. Я с вами не ссорился, и вам никак не мешаю. Просто хочу поговорить с колдуном, а когда мы с ним договоримся, я сразу уеду. У вас свои дела, у меня свои, я в ваши не полезу.

Белые зубы старика блеснули в очередной усмешке.

– Помоги мне, я заслужил! – сказал ему человек. – До знакомства с тобой я думал, что потерял все. Любовь, кров, богатство. Я был должен всем в округе! А сейчас… сейчас я должен еще больше. Не только золото, а чужие жизни, и свою совесть! Ты должен мне помочь. Ты обещал мне. Я все сделал! Клянусь, мои

долги настолько огромны, что я не умру, пока не отдам их! Нет такой силы в мире, что смогла бы списать их так просто. Я даже собственную жизнь отдал в долг, ты понял? Заставь Талисман работать, или я убью тебя, и никакая магия…

– Знакомьтесь, – сказал чародей. – Теонард. Хозяин еще одного осколка. Как всегда многословен…

Глава 4

Человек осекся. Каонэль презрительно фыркнула и отвернулась, натянув капюшон. Варда снова попытался приподняться, но эльфийка мягко положила ладони ему на плечи и покачала головой. Рыжий неохотно подчинился, но взглядом сказал – у меня все под контролем, несмотря на ранение.

Ворг, наконец, отошел от дерева и осторожно приблизился к чародею, стараясь держаться лицом. Нос несколько раз дернулся, взгляд внимательный, но без враждебности устремился на пришельца. Тот еле держится на лошади, пальцы слабо цепляются за гриву. Еще не много, и свалится.

Голуби в клетках на соседней кобыле таращат ошалевшие глаза, время от времени вытягивают крылья. Видимо, очень давно не летали.

– Какого осколка… – медленно спросил Теонард. – Ты говорил, Талисман невозможно испортить!

– Испортить невозможно, – подтвердил старик. – Талисман неиспорчен. Он просто развалился на части.

Взгляд человека дрогнул и поплыл, он покачнулся раз, другой, руки схватили воздух, но уцепиться не за что, Теонард захрипел, лошадка, не в силах понять, что хочет хозяин, переступила, и Теонард, потеряв равновесие, рухнул на землю.

– А говорил, не умрет, – сказала эльфийка. – Через слово ложь…

Ворг подскочил к человеку и перевернул на спину. Осмотрев грудную клетку, повертел голову, пальцы прижались к шее. Несколько секунд он к чему-то прислушивался, затем послышался удовлетворенный выдох.

– Он спит, – проговорил Лотер, опуская человека. – Устал, как собака, ну и изранен. Бок ободран. Но совсем чуть-чуть. Такое даже на людях заживет быстро. Тут не то, что там.

Он кивнул на Варду. Повязка на ноге потемнела, кровь почему-то не хочет останавливаться, и рыжий становится все слабее.

Чародей неспешно приблизился к человеку и заглянул в лицо. Губы скривились в странной ухмылке, он что-то пошептал и вытянул ладонь над телом путника. Пальцы старца замерцали, как светляки в безлунную ночь. Он тряхнул рукой, из ладоней вылетели белые искры и по спирали опустились на человека.

Ворг с интересом наблюдал, как искры впитываются в кожу, унося свет куда-то вглубь. Несколько мгновений человек лежал неподвижно, затем тело его выгнулось, и он с громким вдохом открыл глаза.

– Ничего себе, – только и смог произнести ворг.

Человек сел. Некоторое время он удивленно разглядывал свои изодранные сапоги.

– Поизносились, – сказал он и, посмотрев на Каонэль и Варду, спросил: – Опять эльфы?

– Еще какие, – буркнул Лотер.

Снова отойдя на середину поляны, чародей глянул в усыпанное звездами небо. Лицо приняло выражение, будто не посреди леса стоит, а где-то далеко наблюдает за рождением и смертью миров. Борода колышется, мантия, время от времени, раздувается, делая его похожим на огромную птицу.

Он стоял так, пока Лотер нервно не засопел. Тогда чародей опустил голову и проговорил в никуда:

– Как уже рассказывал, Талисман – очень могущественный предмет. Силу его вам только предстоит узнать. Но для того, чтобы заработал, нужно всем частям быть вместе. А части в разных руках.

При этих словах серая эльфийка резко развернулась и прошипела:

– Мы уже поняли. Что ты хочешь сказать?

Губы чародея растянулись в снисходительной улыбке. Он оперся на посох, сияющий набалдашник весело сверкнул, словно подмигивая собравшимся, и завертелся в древке.

– Ты правильно догадываешься, серая, – ответил старец. – Вам придется собраться вместе, и вместе дальше быть. Иначе Талисман не заработает. Конечно, некоторые осколки способны творить магию, но она так незначительна, что теряется весь смысл.

– Я никогда не буду заодно с людьми! – выпалила эльфийка, сверкнув желтыми глазами. – Они хотели сделать со мной самое ужасное, что можно сделать с эльфом! Все люди одинаковые! Уж лучше ворги, чем вы.

Лотер загадочно прищурился, и облизнулся длинным языком. В глазах блеснули лукавые искры. Он сложил руки на груди, которая перестала быть заросшей, потому как успел вернуться в человечий облик. Густая черная шерсть превратилась в редкие волоски на плечах.

– А что они хотели с тобой сделать? – спросил Лотер с улыбкой. – Мне так, любопытства ради.

Эльфийка оскалилась, готовясь сказать что-нибудь резкое, но в последний момент с шипением отвернулась к рыжему, и принялась отрывать лоскуты от плаща.

Пока Каонэль накладывала новую повязку на рану Варде, человек пришел в себя. Блуждающий взгляд его остановился на чародее, но тот, предупреждая расспросы, сказал:

– Не спеши. Твои вопросы принадлежат всем. И не надейся, что вот сейчас получишь остальные куски Талисмана, и уедешь прочь. Прислушивайся, как ты умеешь, мотай на ус… песня впереди еще очень долгая.

Теонард вздохнул, плечи его поникли.

– Голуби-то в порядке? – спросил старик.

– Не знаю, откуда они взялись, – сказал Теонард. Перед тем, как взойти на гору, я отправил последнего. А когда выбрался из бездны, увидел, что все сидят в клетках.

У старика блеснули глаза.

– Надеюсь, они отнесли мои письма… – проговорил Теонард.

– Отнесли, – сказал чародей.

– Вот и славно. Думаю, Талисман все же немного действует, раз я жив, и, вдобавок, со мной мои птицы.

– Его энергии могло хватить на это, – сказал старик. – Но на большее не рассчитывай. В другой раз он не убережет и таракана.

Теонарда вздрогнул и замолчал. Старик переводит лукавый взгляд с одного на другого и так по кругу. Всем понятно – чего-то ждет, только не признается.

Лотер, ко всеобщему удивлению, самый доброжелательный, повертел головой и остановил взгляд на старце. По лбу пролегли две морщины, которые возникают только при глубокой задумчивости. Он переступил с ноги на ногу, хрустнув маленькими веточками, и проговорил:

– В общем, я вот что понял. Нужны остальные обладатели Талисмана, чтоб он включился.

Чародей кивнул, ворг продолжил, время от времени выпуская и пряча клыки:

– Ну ладно. Предположим, обладатели соберутся. Только есть проблема. Не все рады делить силу с кем-то еще. Вон, посмотри, как эльфийка на Теор… Теонарда смотрит. Да и он, кажется, не очень рад их компании. Готов хвост поставить, найдется еще куча тех, кто готов перегрызть другому глотку за осколок.

Взгляды присутствующих устремились на чародея.

Холодный ветер пролетел над поляной и принес запах снега. Его учуяли те, кто на это способен и с опаской глянули вверх. Ночное небо пока чистое, но прошлый раз тоже ничто не предвещало бури. Так что теперь эльфы и ворг насторожились. Человек запаха не учуял, но видя общее напряжение, тоже напрягся.

Глаза чародея снова побелели, он выбросил руку вперед и что-то выкрикнул на непонятном языке. Кристалл на посохе ослепительно вспыхнул, озарив белым светом всю поляну. Где-то далеко послышалось завывание ветра.

– У вас будут проблемы посерьезней, – проговорил старец страшным голосом, но через секунду смягчился. – Талисман должен быть защищен. Силу его еще предстоит узнать. Даже мне до конца неизвестно, на что способны осколки, когда окажутся рядом. Есть место, где вам следует выстроить Цитадель, и только там все будет так, как нужно.

– Кому нужно? – иронично поинтересовалась серая эльфийка.

Чародей не обратил внимания на вопрос и продолжил шевелить пальцами, с которых все чаще срываются белые искры:

– Доставить вас туда не могу, дел еще много. На портал нет времени, да и силы тратить, если честно, не хочется – нужны антрацитовые кристаллы. Но на той стороне реки есть зверь, который доставит куда нужно. Главное, найти общий язык.

Ветер загудел ближе, деревья, что уцелели после бури, тревожно закачались. Над лесом прокатился жалобный скрип стволов, которые вообще-то способны выдержать и не такой удар стихии, но приятного мало.

С неба сорвались первые снежинки и опустились на траву, превратившись в воду. Теонард непонимающе глянул на чародея, затем взгляд переполз на ворга.

Тот присел и ощетинился до такой степени, что покрылся черной шерстью. Руки вытянулись, пальцы превратились в крючковатые выросты с длинными когтями. На месте лица возникла звериная морда с красными, как рубины, глазами и клыками в ладонь.

Резкий порыв ударил Теонарда в бок. Тот пошатнулся, глаза вытаращились и немигающее вытаращились на Лотера, который несколько секунд назад был вполне себе человеком, хоть и странным, а теперь чудовище, которому самое место на костре.

– Видал я и не такое… – пробормотал он, но новый порыв заставил пригнуться к земле.

Каонэль попыталась укрыть разорванным плащом Варду, но ветер не дал даже поймать край. Капюшон сорвало, выпустив на свободу серебро волос. Она обернулась к чародею. На безупречном лице отчаяние, в глазах гнев вперемешку со скорбью.

– Варда не выдержит перелета! – крикнула она в сердцах, и поднялась, щурясь от ветра.

Рука чародея резко опустилась, с неба обрушился ледяной поток и отбросил эльфийку в лес. Ударило сильно, но лицо Каонэль осталось бесстрастным потому, что эльфы лучше всех умеют терпеть боль. Она медленно встала и вцепилась в ветку.

Серая видела, как снежный поток окутал странника и поднял над землей. Чародей тоже завис в воздухе, глаза белесые, борода извивается, словно живая. Частицы снега носятся вокруг мощными вихрями, норовя утащить за собой все, что подается на пути.

– Варда с вами не летит, – прогремел чародей и воздушным потоком притянул странника.

Каонэль бросилась вперед, надеясь помешать чародею. Уши прижались, обрывки плаща раскрылись, она в несколько прыжков оказалась на месте, где только что лежал рыжий. Но чародей вместе с ним уже поднялся над верхушками деревьев.

В белоснежном потоке мелькнула огненная шевелюра – единственное, что выдает местоположение странника.

– Если ты что-нибудь с ним сделаешь… – прокричала Каонэль в бессилии, но чародей прервал ее.

– С ним все будет в порядке, – произнес он, уходя все выше. – Постройте Цитадель. Это единственный способ.

С этими словами он взмахнул посохом. Воздух задрожал, гул ветра стал таким, что эльфийка упала на колени и закрыла голову руками. Раздался сухой треск, ворг едва успел пригнуться, спасаясь от летящего прямо на него дерева.

В нескольких шагах рядом, Теонард судорожно пытался успокоить перепуганную лошадь. Та, на которой приехал, убежала в лес при первом порыве ветра. Эта – не успела, и теперь ошалело ржет, вставая на дыбы и рискуя перевернуть клетки с голубями.

Когда она в очередной раз брыкнулась, он успел поймать поводья и потянул вниз, чтобы уложить взбесившееся животное. Но кобыла только визжала и пятилась к деревьям, что совсем не лишено смысла. Там дует меньше.

Пригибаясь и спотыкаясь от ветра, Теонард развернулся и потянул ее в лес. Сквозь рев метели раздался рычащий голос:

– Не успеешь! Ложись и держись за кобылу!

Он оглянулся и увидел чудовище, которое таращится на него красными глазами, вцепившись когтями в грунт.

– Держись! – прорычал ворг.

В эту секунду ветер с силой ударил в землю. Всех прижало. Даже у лошади подкосились колени, она мигом очутилась на боку, смяв одну из клеток. Глуби перепугано сбились у верхних прутьев и, не прекращая, бьют крыльями.

Воздушная волна прокатилась над поляной и ударилась в лес. Деревья, которым не повезло расти ближе всего, наклонились, обнажив корни с комьями земли. Те, что помоложе – вырвало и побросало на верхушки уцелевших.

Вихрь с чародеем и Вардой взвился в небо и за секунду превратился в точку. Точка сверкнула и умчалась на запад, где горизонт уже начал светлеть.

Еще несколько минут всем пришлось лежать на земле, вцепившись в первое, что попалось под руку.

Когда последняя горстка снега на траве растаяла, Каонэль подняла голову и огляделась. Взгляд затравленный и злой, даже идеальные черты угрожающе заострились. Волосы растрепались, теперь напоминают копну старой ведьмы.

Она вскочила на ноги, наспех поправляя то, что осталось от прически, и гордо выпрямила спину. Корсет чуть оттянулся вниз, открыв декольте больше, чем положено. Пока никто не заметил, серая быстрым движением вернула его на место и посмотрела на небо.

– Подлый! Подлый чародей! – выпалила она дрожащим от гнева голосом. – Знала же, что людям нельзя верить. Особенно таким.

Быстрым движением она смахнула мокрую дорожку с щеки и часто заморгала.

– Кто теперь меня защитит… – сказала она совсем тихо, чтобы никто не услышал.

Лотер уже успел прийти себя после бури и небрежно осматривает ноги – мало ли, чем ранило. Хотя обычно такие вещи беспокоят его меньше всего, потому как раны заживают, как на собаке. Даже нет – на волке или медведе.

Он покосился на Теонарда, который, ругаясь, ставит на ноги перепуганную лошадь. Та улеглась на бок и делает вид, что сейчас издохнет. Хуже всего, что

одна клетка сломалась, несколько голубей выпорхнули и бесследно пропали в буре. Остальные забились в уцелевший угол и обреченно таращатся оранжевыми глазами.

– Не тронь моих голубей, – в ярости заорал Теонард, грозя кому-то кулаком.

Эльфийка покосилась на него и презрительно скривилась. Человек заметил, но сделал вид, что мнение остроухой волнует его меньше всего.

Закончив осмотр, ворг отряхнулся по-собачьи и обратился в человеческий вид. Свалявшиеся от времени волосы больше напоминают длинную шерсть. Они слиплись сосульками, штанина на колене разорвана, зато лацерна целехонька. Полузверь стянул края, прикрывая слишком курчавую по человечьим меркам грудь, и двинулся к лесу.

– Рекомендую присоединиться, – бросил он через плечо, когда до деревьев осталось несколько шагов.

Каонэль не сводила глаз с человека, который, наконец, поднял свою кобылу и молча пересаживает голубей в клетку. С одной стороны по прутьям свисают толстые кожаные ремни. По всей видимости, для переноса на спине. Когда ворг заговорил, серая резко обернулась, уши встали торчком.

– С какой стати ты командуешь? – поинтересовалась она, даже не пытаясь скрыть раздражения.

Лотер глухо зарычал под нос и развернулся к остальным. С этого места картина предстала неоднозначная.

После второй бури поляна превратилась в пустошь с поломанными ветками и ямами от вырванных деревьев. Траву сорвало, хотя не понятно – как. Она ведь низенькая, должна была уцелеть. Теонард с открытой враждебностью косится на эльфийку, которая то прикрывает декольте оборванными краями плаща, то наоборот – открывает. Человек, тем временем, трясется от холода. Справился с голубями и теперь перетягивает ремни, закрепляя уцелевшую клетку.

– Больно надо, – проговорил ворг, потирая подбородок. – Но если у вас с памятью плохо, напомню – чародей сказал, что Талисман без остальных кусков не заработает. Вы как хотите, а мне он нужен.

С этими словами ворг резко крутанулся на месте и скрылся за деревьями.

Эльфийка и человек остались наедине. Оба не скрывают неприязни, молчат. Теонард возится с клеткой и подпругами, брови сдвинуты, губы сжаты. На лице мудрое выражение, будто погружен в великие думы, но такой вид часто бывает и у тех, у кого в башке пусто, как в ограбленном замке.

Несколько минут серая наблюдала, как человек ковыряется со снаряжением. При каждом движении арбалетчика, ее рука дергается к антрацитовому клинку. Теонард старательно не замечает, но видно, что наготове.

Наконец Каонэль не выдержала и, стараясь держаться лицом к Теонарду, двинулась за воргом. Человек проводил ее взглядом, но смолчал.

Когда он остался позади, Каонэль перешла на бег. Тонкое обоняние позволило с легкостью различить запах Лотера среди остальных. Тем более, что крепкую смесь мускуса, медвежатины и хвои, которые источает звериное тело, спутать с чем-то очень сложно.

В темноте бора, перешедшие на ночное зрение, глаза эльфийки загорелись желтыми фонарями. Если бы кто-то был рядом – мог бы пользоваться ими в качестве освещения.

Сухая хвоя тихо хрустит под сапогами, даже несмотря на маленький вес серой. Слева молодая поросль можжевельника источает мятно-пряный запах. Аромат тянется от свежих ростков и смешивается с воздушным следом ворга, делая его еще необычней.

Спустя несколько минут она догнала Лотера, который, будто специально, идет большими шагами, порой даже прыгает. Да так, что ни один человек не сумеет.

Каонэль припустила, перепрыгивая сухие ветки, и через несколько секунд поравнялась с воргом.

– Плохо, – проговорила она, когда тот замедлил бег и оглянулся.

– Чего? – не понял он.

– С памятью, говорю, плохо, – пояснила серая

Лотер понимающе кивнул, хотя лицо осталось безучастным.

Они молча двинулись сквозь сосновый лес, стараясь держаться на почтительном расстоянии. Через некоторое время небо посветлело, из зарослей можжевельника донеслось заливистое пение.

– Зарянка, – произнесла Каонэль неожиданно и задумчиво сморщила носик.

– Ну вот, – сказал Лотер, – а говоришь с памятью плохо.

Эльфийка пожала плечами и на ходу сорвала молодую хвойную веточку. Ловко растерев между пальцами, она поднесла к носу и блаженно потянула.

– Это не та память, – сказала она загадочно.

Ворг открыл рот, чтобы спросить, что там за варианты памяти у нее, но за спиной хрустнула ветка. Каонэль отвела назад уши, прислушиваясь к шорохам. Лотер ощетинился немного, превратив лицо в морду, и пошевелил носом.

– Теонард, ты долго красться будешь? – поинтересовался ворг, не оборачиваясь. – Или хочешь в спину ударить? Не забывай, я тебя ушами и носом вижу. Эльфийка, кажется, тоже.

Каонэль все же оглянулась, чтобы убедиться, что никто не целится из арбалета. Человек вышел из-за сосен, таща за собой уставшую лошадь с единственной оставшейся клеткой. Арбалет за спиной.

– Могу и в спину, пожалуй… – сказал Теонард. – Но пока, вроде, не за что?

Он дернул поводья, лошадь нехотя ускорилась, хрустя сухой хвоей под копытами. Когда они приблизились, эльфийка благоразумно перешла на другую сторону, так, что ворг оказался между ней и человеком. Лотер не упустил этого из виду и многозначительно хмыкнул.

– Хороший нюх? – спросил Теонард.

– Я тебя почуял, как только в лес зашел, – сказал ворг, – ветер с той стороны, и от тебя человечиной пахнет за версту.

Эльфийка фыркнула и закатила глаза. По лицу видно – хочет сказать что-то едкое, но пока не решается. Присматривается к спутникам, которые не очень-то дружелюбны. Ворг и это заметил, но снова промолчал, лишь сдвинул брови и высунул левый клык.

– Я вот что подумал, – начал человек нарочно бодрым голосом. – Дайте мне ваши осколки в долг? С помощью Талисмана я быстро отдам другие долги и верну их вам. И подарю свой осколок! Стройте, что хотите, делайте, что хотите…

Ворг и эльфийка одновременно повернули головы и уставились на него, как на безумного. Если ворг выглядит просто изумленным, то эльфийка настроена враждебно.

Глаза сверкнули, уши вытянулись.

– А можно я отрежу ему язык? – спросила она, глядя на человека.

– Не успеешь, – сказал Теонард, глядя перед собой. – Я уже убивал таких, как ты. И даже лучше тебя, настоящих эльфийских воинов, вооруженных до зубов. Я убивал их голыми руками, будучи связанным, израненным и умирающим от голода. Их было больше десятка в том жутком лесу….

Серая зашипела и схватилась за антрацитовую рукоять.

– Проверим? – спросила она, дрожа то ли от гнева, толи от страха за собственную смелость.

– Тихо! – прикрикнул ворг и опасливо завертел головой. – Прислушайтесь.

Лес затих. Птицы, до этого радостно щебетавшие, словно вымерли. Трескотня насекомых тоже пропала. Даже ветер стих, погрузив бор в жутковатую тишину.

В ней раздался тихий стон, похожий на подвывание голодной собаки. Вой продолжался до тех пор, пока не приблизился так близко, что превратился в рев. Каонэль прижала уши и схватилась было за клинок, но тут же опустила руку, словно до чего-то догадалась.

Теонард медленно вытянул арбалет и приготовился стрелять. Его лошадь зафырчала, раздраженно переступая копытами. Голуби в клетке прижухли и сбились в кучу.

– Какого лешего? – проговорил ворг, пригнувшись, чтобы в случае атаки быть готовым к прыжку.

Некоторое время все озирались, надеясь обнаружить непрошенного гостя. Но когда скрип деревьев раздался всего в нескольких шагах, Каонэль отпрыгнула в сторону и прокричала Лотеру:

– Ты в любого зверя можешь обратиться?

Тот бросил на нее непонимающий взгляд, эльфийка продолжила, отходя все дальше, пока не оказалась на опасно близком расстоянии с Теонардом:

– Тот-то и оно, что леший! – быстро произнесла она, косясь на стрелу арбалета. – В собаку. В собаку перекинься!

По выражению лица Лотера видно – он ни грамма не понял, что несет эльфийка. Но серая смотрит такими глазами, что пришлось выполнить.

Он отвернулся, чтобы края лацерны полностью закрывали спину, и с силой стукнулся головой о ствол сосны.

Послышался глухой треск, в стороны полетели красные искры вперемешку то ли с пеплом, то ли с шерстью. Фигура ворга быстро уменьшилась, через секунду

под деревом оказалась огромная черная собака в плаще.

Собака повернула морду и вопросительно посмотрела на Каонэль.

Эльфийка впервые в жизни видела превращение ворга в зверя, поэтому впала в ступор. Но шумное дыхание Теонарда, в руках которого все еще блестит арбалет, привело в себя.

– Что дальше? – спросил человек.

Взгляд эльфийки снова скользнул по арбалету, затем переполз на лицо Теонарда. Тот глядит весело, стрела всего одна, дураку ясно, что тратить на нее – себе дороже. Но она-то, эльфийка, не дура!

Каонэль медленно попятилась, прижимая уши.

– Что, что, – выпалила она, – бежать. Вот что. Ворг, полай для приличия. Лешие боятся собак.

С этими словами она развернулась и бросилась через лес, отдавшись на волю чутью. А оно еще ни разу не подводило.

Стволы сосен замелькали, в ушах засвистел ветер, Каонэль понеслась сквозь бор, едва касаясь ногами подлеска.

Далеко за спиной раздался глухой лай, затем послышался шорох и топот. На секунду она задумалась. Если сейчас сбежит – они никогда не догонят. Еще не встречала никого, кто бегал бы быстрей. Даже знакомые эльфы удивлялись, как простая серая эльфийка умудряется быть такой прыткой.

Потом пришла мысль куда неприятней. Если человек умеет стрелять на бегу из арбалета, то сейчас она под прицелом. Стоит нажать на спусковой крючок, как привет в виде стрелы окажется между ребер. А в спину он выстрелит с удовольствием, сам говорил…

Серая ускорилась еще сильней, стала по-заячьи петлять, успевая огибать столетние сосны и перепрыгивать бревна. Прошло не меньше получаса, прежде

чем Каонэль выскочила на скалистый обрыв.

Если в лесу все еще полумрак, то здесь совсем рассвело. Небо из бледно-сиреневого стало лазурно-голубым, только одна звезда все еще видна. Но как только поднимется солнце – исчезнет.

Каменный пятачок шириной не больше половины перелета стрелы, с трех сторон окружен лесом. А четвертой уходит в пропасть. Оттуда дует холодный ветер, норовя сорвать потрепанный плащ. На такой высоте он не может быть другим, да и к холоду эльфийка привыкла, но почему-то именно сейчас он мешает.

Камни на обрыве покрыты сухостоем. Кое-где порода настолько растрескалась, что не понятно, почему не обваливается. В расселинах с землей торчат пучки травы, сумевшей отвоевать пространство на жизнь. Местами даже цветочки видно.

У самого обрыва скала, больше напоминающая груду камней, которые от ветра и дождя превратились в монолит. Со стороны леса у основания скалы пещера. Свод низкий и вход завален какой-то гадостью. Серая присмотрелась. Среди кучи веток и шишек остатки незатейливой трапезы – кости вперемешку с переваренными остатками.

Каонэль скривилась – пещера точно обитаема.

Повинуясь чутью, она постаралась не шуметь и осторожно приблизилась к обрыву. Чтобы порывы ветра не сбили с ног, эльфийка чуть присела и заглянула за край.

Внизу раскинулась бескрайняя пропасть. Где-то далеко лес, который со скалы выглядит мохристым ковром и чем-то напоминает цветную капусту. Такую однажды видела в таверне. Дальше в утренней дымке теряются невысокие горы. Возможно и не горы, а искаженный горизонт. Не понятно. Потому, что даже эльфийские глаза не видят так далеко.

Боязнью высоты серая не страдала, но отошла на всякий случай. В этот момент из леса вылетела огромная псина. За спиной, как меха, развевается лацерна, в зубах тряпье. Пригляделась – штаны.

Псина с разбегу шарахнулась о камни, налету превращаясь в человека. Перед глазами Каонэль мелькнуло обнаженное мужское тело, но разобрать ничего не успела, потому что ворг умудрился извернуться и сомкнуть края плаща. Через секунду он уже на ногах, завязывает веревку на поясе.

– В следующий раз, – проговорил он, отдышавшись, – предупреждай. Мы оторвались, но по-моему эта тварь не отстанет.

– Я и предупредила, – бросила серая и сложила руки под грудью, что не ускользнуло от ворга. – И это не тварь, а леший. Где, кстати, твой человек с осколком?

Лотер жадно сглотнул, отводя взгляд от декольте эльфийки, и хрустнул шеей так громко, что из можжевелового куста рядом выскочила испуганная перепелка.

– Во-первых, он не мой, – начал он, – хотя если бы осколок…

Его прервал конский топот. Через мгновение по камням загремели лошадиные копыта, ворг и эльфийка разом обернулись.

Теонард гордо восседает в седле, арбалет из рук так и не выпустил, хотя стрелы в ложе нет. За спиной качается клетка с одуревшими от странствий птицами. Судя по морде, кобыла тоже не в восторге. Зато у человека лицо такое, словно только в одиночку что поборол лешего.

Он сделал показательный круг, что очень не просто на таком маленьком участке. Затем остановился прямо на середине каменного пятака и спешился. Пальцы скользнули в нагрудный карман. Несколько секунд он копошился, бормоча что-то под нос, затем плечи расслабились, человек выдохнул.

– А я уж надеялась, – бросила Каонэль многозначительно.

Теонард усмехнулся.

– Надежда мешает жить. Однажды я много раз надеялся, что со мной случится что-то хорошее, оттого и жил впроголодь. Если бы не проклятая надежда, давно

бы жил во дворце, с сотней другой эльфийских невольников… Невольниц! С тремя бы я спал, меняя двух каждую ночь, тех, кто меньше понравился. Еще одна растирала бы мне ступни по ночам, а другая – махала опахалом, отгоняя зной.

Желтоглазая слушала, оставаясь неподвижной, взгляд скользил по фигуре человека. Из пропасти ударил холодный порыв, вздыбил волосы серой, так что она стала похожа на каргу. Ветер пронесся между деревьями и по верхушкам умчался дальше.

– Еще одна бы постоянно ворчала, а самая юная и прекрасная постоянно бы плакала и стенала, когда я ухожу в далекий поход, да так жалобно, что…

– Замолкни, – прошипела серая и вытянула покрасневшие уши, сигнал боевой готовности. – Они бы тебя зарезали в первую ночь! Никогда эльфы не будут махать опахалом над тобой!

Теонард с неохотой замолчал, глаза невидящие, все еще в своем дворце с прекрасными эльфийскими невольницами. Как пьяный переступает с ноги на ногу, одновременно занимая удобное для стрельбы положение, но эльфийка помнила, что стрела была всего одна. Она медленно положила ладонь на антрацитовую рукоять и сжала пальцы. Повисла пауза.

– Я же говорил, проклятая надежда только мешает, – сказал, наконец, Теонард. – Надеешься вот на что-то, а тебя ночью резать собрались.

– Могу и днем! – выкрикнула эльфийка.

Теонард торопливо отступил на несколько шагов, арбалет не поможет, в глазах раздумье, явно ищет другие способы… Кто знает, что скрывают его потайные карманы и сумки.

– Прекратите, болваны! – прорычал ворг и чирканул когтями о булыжник.

Но Каонэль не слушала, в глазах человека страх, стрелу потерял, в карманах, скорее всего, пусто, можно не только отплатить за оскорбления, но и отнять осколок… Отпружинив от камней, она зависла на несколько секунд в воздухе и

кинулась на человека.

В этот момент в глубине пещеры что-то тревожно зашевелилось, послышался хриплый рев, похожий на смесь медвежьего рыка и мышиного писка. Из черноты выпорхнула стайка перепуганных птиц, которые непонятно что делали в таком месте. Затем раздался скрежет и грохот, словно кто-то тяжелый не может решить, как передвигаться – ползком или шагами.

Отвлеченная звуками, Каонэль пролетела мимо Теонарда и приземлилась на колено совсем не далеко от входа.

Ворг и человек обернулись, вглядываясь в глубину пещеры, откуда запахло очень недобрым.

Глава 5

Из пещеры снова заревело, на этот раз значительно ближе. Теонард отбежал от эльфийки, которая сейчас хоть и не смотрит, но все равно видит – уши шевелятся как у кошки. А если учесть, что она серая – вообще не понятно, какими свойствами обладает.

– Что там такое? – спросил человек.

Словно ему в ответ со скалы посыпались мелкие камешки.

– Сейчас узнаем, – прорычал ворг, еще сильнее зарастая шестью.

Глаза человека сузились, в уголках возникли мелкие морщины, какие бывают только от ярости. Ноздри раздулись, он тряхнул головой и вскинул пустой арбалет.

На секунду грохот и скрежет прекратились. В опустившейся тишине из леса донесся уже знакомый вой. Ветки сосен закачались, посыпались иголки и

шишки.

Каонэль бросила короткий взгляд на ворга, и досадно покачала головой.

– Какая-то не важная из тебя собака, – заметила она, пятясь к краю обрыва.

Ворг повернул к ней оскаленную морду, в глазах заплясали багровые искры.

– Какая есть, – зарычал он. – Собакой не часто перекидываюсь.

Когда в лесу послышался сухой хруст, из пещеры пахнуло зловонием. Клубы желтоватого пара вырвались наружу, быстро растворяясь в воздухе. Цветочки, которым не повезло вырасти у самого входа, моментально сморщились и превратились в черные шарики на ножках.

Каонэль оказалась ближе всех. Она закашлялась и спрятала лицо под плащом. Глаза заслезились, нос скривился, она открыла рот, пытаясь избавиться от вони.

Через секунду убийственный аромат добрался до Лотера и Теонарда. Человек зажал нос пальцами, и даже отступил на пару шагов, словно это может помочь. Ворг же лишь потянул воздух, и пару раз фыркнул, как делают звери, когда изучают новый запах.

– Если бы верил в существование гигантских летучих мышей, подумал бы, что в пещере именно она, – прорычал ворг и приготовился к броску.

Воздух снова содрогнулся, на этот раз от воя лешего, который почему-то ни как не хотел оставить в покое.

Эльфийка отступила к краю и осторожно глянула за спину. Прямо за ней раскинулась зеленая пропасть, до дна которой лететь очень и очень долго. Можно помереть от страха, пока падаешь, хотя с ее ловкостью сорваться маловероятно.

Покрутив головой, серая обнаружила небольшой уступ чуть ниже края обрыва и облегчено вздохнула. Ворг бросил на эльфийку быстрый взгляд, но не понял, что она разглядывает.

В пещере что-то недовольно фыркнуло и из темноты показалась огромная лохматая морда. Зубы, как огромные пилы, маленькие глазки грозно блестят. Через несколько мгновений появилось заросшее густой шерстью тело. По бокам кожистые культи, сзади – выросты чуть поменьше. Тварь зло оглядела путников и щелкнула зубами.

Теонард выругался, рука метнулась к колчану. Запоздало вспомнил, что там пусто и стал искать что-нибудь подходящее. На глаза попался небольшой острый камень. Человек подхватил его и метнул в морду зверю.

Тот открыл пасть и издал такой визг, что Теонарда звуковой волной откинуло к деревьям. Лошадь с диким ржанием встала на дыбы, опрокинув клетку, которая оказалась плохо закреплена. Птицы в испуге забились, раскидывая перья.

– Это нетопырь! – закричала Каонэль. – Гигантский нетопырь!

– Да вижу, – прорычал ворг, все еще не определившись, что больше хочет сделать – прыгнуть на тварь и драть когтями до победного, или оставаться на месте, пока все само не разрешится. – Делать с ним что?

Вой в лесу превратился в рев. Из сосны, что торчит выше остальных, вспорхнула стая перепуганных зарянок, которые и так сидели тише воды, ниже травы. Но лешему этого показалось мало, поэтому скрип веток неизбежно приближается.

Каонэль бросила испуганный взгляд на стену деревьев. Там Теонард уже поднялся и медленно приближается к твари по широкой дуге, захватив клетку с уцелевшими голубями. Затем покосилась на нетопыря. Тот неуклюже вертит головой – короткая шея не позволяет сделать полноценный поворот. Зато огромные уши шевелятся быстрее эльфийскийх. Наверняка, ими и видит. Глазки-то маленькие.

– Чародей сказал, что… – проговорила серая, но в этот момент нетопырь повернулся к ней всем корпусом и завопил.

Эльфийку сорвало с обрыва, как пух с постаревшего одуванчика. В воздухе мелькнули серебряные волосы и ободранный плащ. Каонэль тихо пискнула и скрылась за краем.

Нетопырь оскалил лохматую морду. Культи распрямились в огромные кожистые крылья и накрыли обрыв от пещеры до кромки леса. Он оттолкнулся и, со зловещим визгом, нырнул в пропасть за серой эльфийкой.

– Сожрет, – шепнул Теонард уверенно и поставил клетку. – Даже если уцепилась за что-то, сожрет.

– Осколок! – вырвалось у ворга.

Он дернулся было к краю, но в этот момент сосны на краю леса с хрустом расступились. Из-за стволов вышла высокая, заросшая мхом и лишайниками фигура. В бороде запутались корешки. Из макушки вместо волос трава, кое-где притаились мухоморы и лисички. Ноги – кривые стволы с глубокими бороздами, из которых сочится древесный клей. Но страшней всего лицо. Круглые, как плошки, глаза немигающее смотрят то на ворга, то на человека. Время от времени мясистые губы шлепают что-то неразборчивое, издавая протяжный вой.

– Леший? – спросил Теонард недоверчиво, и отступил к обрыву.

Он подхватил с земли еще один булыжник.

– Похоже на то, – проговорил ворг хриплым голосом и покосился на камень. – Ты с этим на него собираешься идти?

Человек пожал плечами, потому что вариантов особо нет. Можно кинуться с обрыва вслед за серой и бесславно погибнуть, разбившись о скалы. Еще и звери кости растащат, вообще ничего не останется. Либо принять бой, как это и положено герою. Настоящему северному герою.

– Дело того стоит, – проговорил Теонард громко и швырнул камень.

Снаряд ударил в бороду лешего и запутался в волосах. Тот опустил взгляд и несколько секунд пялился вниз. Затем поднял голову, глаза потемнели, физиономия исказилась.

Он раскрыл рот, но в этот момент человек метнул еще один камень. Тот снова утонул в густой бороде.

Теонард швырял и швырял до тех пор, пока леший не начал греметь, как мешок с камнями. Когда понял, что так его не пронять, развернулся к воргу и закричал в ярости:

– Что ты стоишь! Нападай!

Ворг, взбешенный приказным тоном человека, взревел, как медведь и ударил лапой по камню. Тот рассыпался в крошку.

– Не забывайся, – прорычал Лотер. – Теперь осталось лишь два осколка. Желаешь погоняться за нетопырем, забраться к нему в желудок? Вперед.

Он пригласительно отступил в сторону, открывая путь к обрыву. Солнце уже взошло. Чистое, после ночного сна, небо напоминает воду – такое же бескрайнее и недоступное. А внизу вполне себе реальная земля, твердая и далекая.

Губы Теонарда недовольно скривились, он отмахнулся от ворга, как от надоедливой мухи. Видал он опасность. И с медведями дрался, и лишения терпел. Разве сдался, когда чуть не утонул в болоте? Почему должен сложить лапки теперь, когда какая-то образина вылезла из леса и непонятно чего хочет.

Словно прочитав его мысли, леший со скрипом поднял руку и указал на его внутренний карман. Затем перевел палец на ворга.

– Ма-агия, – протянул хранитель леса гулко. – Много ма-агии.

С этими словами он двинулся прямо на них, продавливая вековой камень на пол ладони. Из глаза лешего заструился зеленый свет, рот раскрылся, готовый то ли завыть в очередной раз, то ли проглотить обоих вместо завтрака.

Теонарда и ворга все сильней оттесняло к обрыву, но подойти к краю никто не решался.

Человек упрямо тянет за собой клетку с голубями. Прутья местами потрескались. Если придавить – лопнут, как пересохшие полена. Но скрепляющие веревки еще целые, и держат крепко.

Птицы, похоже, смирились с участью жертв, даже крыльями бить перестали. Сидят, как окаменевшие, сбившись в кучу.

Когда леший приблизился на столько, что между ними остались пара ворговских прыжков, путники, наконец, отступили к обрыву. Ворг судорожно завертел мордой, в поисках лазейки, через которую можно улизнуть.

Теонард замер, сжав пальцами прут клетки. На лице бессильная ярость, глаза разве что молнии не метают.

– Что ему надо? – спросил человек, не сводя взгляда с хранителя леса.

– Да уж точно не с голубями поиграть, – рыкнул ворг и приготовился сигануть в сторону, пока есть куда.

– Ты что, сбегаешь? – не поверил Теонард.

Прежде воргов не видел, но в понимании человека обладатель таких клыков и когтей, по определению, должен быть неутомимым бойцом, бросаться на всех и рвать в клочья, пока кости не покажутся. Но этот щурит красные глаза и загадочно скалится.

– Я, по-твоему, должен бороться с духом леса? – спросил Лотер раздраженно. – Хватит с меня духов. Надоели.

Когда поджал под себя ноги и изготовился к прыжку на глазах у изумленного Теонарда, снизу послышался свист.

Они одновременно обернулись. Человек вцепился в клетку покрепче, стараясь не потерять равновесие. Брови ворга взлетели на лоб, он присел и свесился с обрыва.

Внизу, прилипнув к скале, на когтях повис нетопырь. На лохматом загривке держится Каонэль. Плащ совсем изодрался и трепыхается лоскутами на ветру, зато волосы – настоящее серебро. Попадись она в удобное время гоблину – продал бы за баснословную сумму.

Эльфийка смотрит на них, задрав шею, и довольно ухмыляется.

– Ну как там леший? – крикнула она с поддельной заботой.

Теонард что-то зло пробурчал и перевел арбалет на нее, но Лотер резко опустил его и ответил:

– В отличном настроении. Думаю, сожрет нас вместе с осколками.

Человек метнул на Лотера бешеный взгляд, разозленный тем, что зверина посмел прикоснуться к его оружию, но, заметив хитрый прищур полузверя, смирился.

Лицо серой эльфийки приняло задумчивое выражение, уши затрепыхались, словно тоже участвуют в мыслительном процессе. За спиной Лотера и Теонарда угрожающе заворчало, человек покосился через плечо. Лесной дух медленно приближается и жадными глазами сверлит затылки.

Видя, что ворг и человек в безвыходном положении, серая ухмыльнулась. Взгляд скользнул по внутренним карманам человека и ворга, где надежно спрятаны осколки.

– Даже не знаю, что предложить, – протянула она. – Что мешает бросить вас лешему на расправу?

– Мозги! – бросил Лотер. – Если они у тебя есть. Когда он до нас доберется, не то, что осколков. Талисмана не будет!

В глазах эльфийки полыхнуло солнце, идеальное личико скривилось. Несколько секунд она с пристрастием разглядывала ворга, лишь изредка бросая косые взгляды на человека. Затем фыркнула и сделала вид, что готова дать нетопырю команду на взлет.

Наклонившись к уху твари, серая открыла рот, но в последнюю секунду снова подняла голову.

– Ты прав. Талисман мне нужны позарез, – согласилась она с улыбкой. -Так и быть. Я спасу вас, если обещаете отдать свои осколки.

Теонард крепче сжал арбалет. Стрел все равно нет, но так хоть какая-то уверенность. Отдавать осколок он никому не собирался, но за спиной глухо загудел леший, послышался хруст веток.

– Идет! – сказал он.

Ворг хотел зарычать на него, но тут же осекся, заметив бегающий взгляд человека. Очередной вой лешего заставил отойти к самому краю и балансировать буквально на пальцах. Каонэль довольно прищурилась и снова наклонилась к нетопырю.

Когда огромные руки потянулись к ним, она крикнула:

– Договорились. Прыгайте!

Оба, не раздумывая, сиганули в пропасть. В этот же момент лапы лешего схватили воздух. Раздался разочарованный и злой вой, от которого стынет кровь в венах. Дух в бессильной досаде топнул ногой, выбив из скалы добрую порцию камней. Сыпняк разлетелся в стороны, пыльное облако накрыло эльфийку, делая ее еще серее.

Когда Каонэль увидела, как ворг и человек прыгнули с обрыва, то подняла нетопыря в воздух. Тварь послушно оттолкнулась от скалы и подобрал обоих налету.

Теонард умудрился ухватить с собой клетку с голубями и теперь неловко балансирует, цепляясь за шерсть.

– Да брось ты их! – зарычал ворг, растопырив лапы.

Благодаря звериному облику, он обнял спину нетопыря почти целиком. Ноги и руки по-жучьи растопырились. В таком положении его даже тролль не оторвет. Чтобы говорить с человеком, ему приходится выворачивать шею. Тот сидит на самом хвосте, если резкое окончание спины можно так назвать.

Когда Лотер попытался скинуть бесполезную клетку, Теонард переменился в лице. Глаза потемнели, лоб, и без того сморщенный от натуги, покрылся красными пятнами. Изловчившись, он накинул одну лямку на плечо, и проговорил сквозь зубы:

– Я скорее тебя спихну. Или, вон, эту.

Человек угрюмо посмотрел через голову ворга. На шее нетопыря, едва придерживаясь коленями сидит Каонэль. Эльфиское равновесие позволяет балансировать на слишком крутых для людей поверхностях. Вот и теперь, сидя на высоте, которая делает мир ровным ковром, она смотрит вдаль, гордо выпрямив спину.

Тварь сделала небольшой круг и часто захлопала крыльями, набирая высоту. Эльфийка бросила короткий взгляд вниз, где стремительно удаляется обрыв, а вместе с ним и разгневанный леший, которому вообще не понятно что было нужно. Шапки сосен закачались в стороны, словно махая на прощанье.

Чтобы как-то приноровиться к управлению, серая стала аккуратно дергать волоски рядом с ушами нетопыря. Личико приняло задумчивое выражение. С длинными разобралась сразу, они улавливают колебания воздуха, вроде кошачьих вибрисс. Но когда увидела короткие, озадачилась.

Каонэль с начала осторожно тронула пальчиком один волосок. Ничего не произошло. Тогда смело схватила всей пятерней и дернула на себя.

Нетопырь взревел и забил крыльями, как разгневанный гусь. От тряски ворг сполз на Теонарда, рискуя выдавить его со спины вместе с голубями.

Человек недовольно зарычал и вцепился в шерсть так сильно, что кожа под ней непроизвольно задергалась. Нетопырь завизжал не столько от боли, сколько от обиды и дернулся в сторону. Всех резко сдвинуло налево.

– Вы там как? – прокричала серая сквозь ветер.

Поток ветра ударил в брюхо нетопыря, путников подкинуло и ударило о спину. Ворг нервно выдохнул, уткнувшись в шерсть твари, благодаря которой все же

удержались.

Новый порыв прилетел сбоку. На этот раз тварь не выдержала напора и перевернулась. Мир закрутился зелено-голыбыми полосками. Где-то мелькнули скалы.

Подхваченный ветряной силой, нетопырь несколько секунд вертелся над пропастью, рискуя растерять наездников, которым, скорее всего, не рад.

Ворг, непривыкший к высоте, в ужасе зажмурился и вцепился всеми конечностями в шерсть. Даже зубами смог ухватиться.

Человеку повезло меньше. Из-за клетки при кувырке его чуть не оторвало от спины. Спасли пальцы, которые проявили чудеса хватания. Когда нетопырь переворачивался, Теонард описал ногами широкую дугу, продолжая держаться за шерсть. Только благодаря этому удалось приземлиться на зверя.

– Ты это, – проговорил ворг неуверенно, когда тварь перестала дергаться и пошла плавно вверх. – Веди ровнее. Тут как бы трясет немного.

При первом кувырке Каонэль лишь плотнее прижалась к спине нетопыря и поджала ноги потому, что для нее перевороты и разные кульбиты – привычное дело, пусть даже на высоте в сотни перелетов стрелы.

Сдвинув брови, она посмотрела назад. Затем небрежным движением откинула плащ, который еще не много и превратится в тряпку.

– Я возничим не нанималась, – сказала она. – Если такой умный, сам веди.

Ворг покачал головой.

– Нет уж, – прорычал он. – Вызвалась, так возись с этой образиной. У тебя, видимо, тяга ко всяким уродам и чудовищам. Смотри, как покорно крыльями машет.

Нетопырь словно понял его слова. Уши нервно дернулись, он глухо захрипел и издал высокий звук. Показалось, воздух перед ним пошел волнами, а небо

искзилось.

Эльфийка сердито глянула через плечо на полузверя. Тот все еще распластан и цепляется за волоски. За ним в суровом молчании сидит Теонард. Золотисто-русые волосы треплются на ветру, как у настоящего северного героя, который вернулся из похода с добычей, но похвалы не ждет.

Он крепко обхватил ногами нетопыря, одна ладонь спрятана в шерсти, другой придерживает лямку на плече. За спиной клетка с укачанными голубями. Человек смотрит вперед, стараясь не коситься вниз.

Когда серая обернулась, их взгляды встретились. Оба без слов поняли – мира не будет.

Наклонившись к макушке твари, Каонэль, погладила по жесткой шерсти.

– Не бойся, маленький, – проговорила она ласково. – Никакой ты не урод и не образина. Вон, пушистый какой, и крылышки, даже лебедь позавидует.

– Ты умом тронулась? – поинтересовался ворг, выпрямляясь. – Это же крокодил с крыльями.

Эльфийка снова погладила нетопыря и огляделась. Далеко внизу медленно плывет зеленый ковер, словно можно прям сейчас сойти и довольно пробежаться босиком. Но все понимают – чем медленнее движется ковер, тем выше летят, значит, попытка прогуляться окажется последней в жизни. И меньшей высоты достаточно, чтобы расшибиться в лепешку.

– Не знаю, что такое крокодил, – произнесла эльфийка, чуть обернувшись. – Наверняка что-то обидное. Ты бы лучше на свою рожу посмотрел. Знаешь, какой страшный? Как-то видела штуку одну – зеркало называется. Вот тебе такое надо. Чтоб не зазнавался.

– Да знаю я, что такое зеркало, – отмахнулся Лотер и осторожно глянул вниз. – Насмотрелся. А рожа у меня прекрасная. Нормальная, звериная. А то, что в человечьем виде иногда бываю – это мелочи. Приходится из-за особенностей оборотов. Волком и медведем быть привычней.

– Не хотите отдать мне осколки? – спросила эльфийка.

Теонард напрягся, ворг оглянулся на него и проговорил:

– Нашла время. Может тебе еще сплясать прям тут? Я почесаться не могу, а ты хочешь, чтоб осколок по карманам искал. Спустимся для начала.

Каонэль раздраженно дернула плечами, но промолчала. Спорить с полузверем – дело последнее, поэтому решила дать им время до приземления.

Ворг тоже не стал пререкаться. Вместо этого принял человеческий облик, но пальцы от шерсти не оторвал. Свалявшиеся от времени волосы задергались на ветру, лацерна вытянулась назад, норовя задеть Теонарда. Тот лишь отклонился и нахмурил брови.

Осмелев, Лотер поглядел по сторонам.

Солнце на востоке выплыло из-за горизонта, свежее и умытое после ночного сна. С высоты полета оно кажется маленьким, и напоминает начищенную до блеска монету. Ветер больше не бьет в бока – эльфийка каким-то образом смогла найти общий язык с нетопырем. Тот поймал воздушные потоки и теперь летит плавно, как орел.

Долго летели молча. Эльфийка неожиданно стала неразговорчивой, задумчиво смотрит вперед, в глазах тоска и страх. Если бы ворг и человек увидели этот взгляд, решили бы что, убивается по рыжему эльфу. Но, к ее счастью, оба сидят сзади.

Теонард поглядывает вниз, делая вид, что совсем не боится. Когда заметил огненную пещеру, даже чуть наклонился, рискуя съехать со спины нетопыря, но во время успел уцепиться за шерсть. Хотел сказать остальным про полыхающее внизу жерло, но те делают вид, будто очень заняты. И Теонард промолчал.

Лотер опасливо озирается, хватаясь за шерсть твари, от чего та всхрапывает. Солнечные лучи за время полета нагрели полузверю бок. И хотя на высоте температура низкая, ему стало жарко, потому как у воргов горячая кровь.

– Медведем, говоришь? – раздалось за спиной ворга.

Лотер обернулся и недоверчиво посмотрел на Теонарда. Человек укутался в бесполезный на высоте плащ. Губы посинели, лицо стало еще суровей, словно мыслит о мировом господстве. В отличие от холодоустойчивой эльфийки и горячего ворга, человеку требовалось тепло, желательно побольше.

– Медведем, – глухо проговорил Лотер. – И волком, и котом, и кем только вздумается. Главное знать, как зверь выглядит. Ну и силы нужны.

Взгляд человека стал задумчивым. Он поправил кожаную лямку, всколыхнув клетку вместе с птицами, которых, похоже, уже ничто не вернет к трезвому уму, если он у них был.

Когда нетопыря в очередной раз тряхнуло, Теонард высоко подпрыгнул на крупе и снова чуть не слетел. Он тихо выругался, но тут же сделал вид, что рывок его нисколько не побеспокоил. Только плащ сильнее запахнул. Мол, это ерунда. Летать на нетопыре – плевое дело, он чуть ли не каждый день так летает на базар.

– Медведем это хорошо, – проговорил он многозначительно, выплюнув клок нетопырьской шерсти. – Знавал я одного медведя. Огромный, как горный тролль. Я боролся с ним с утра и до глубокой ночи. Он был силен. Так силен, что ударом лапы ломал деревья. Приходилось бегать, пока зверь не измотался. Бегаю я не очень быстро, но долго. Уморил зверя. Когда он совсем выдохся, я прыгнул ему на спину и начал душить. Вот этими самыми руками.

Ворг даже обернулся и озадаченно уставился на человека. Тот, не замечая странного взгляда Лотера, продолжил:

– Да, эти руки на многое способны. Медведь хрипел и бил лапами воздух, но я отпустил лишь когда хрустнули позвонки. Он был тяжелый. Когда грохнулся, земля задрожала. Сам не поверил, что зверь, наконец, издох.

Когда он закончил, Лотер и Каонэль смотрели на него, вывернув шеи с неподдельным изумлением. Ворг впечатленно присвистнул, зато эльфийка не стала скрывать недоверия.

– Хочешь сказать, что в одиночку справился с пещерным медведем? – спросила серая, подняв бровь.

– Хочу, – ответил Теонард с усмешкой, делая вид, что разглядывает завитушки облаков.

– Я бы посмотрела на это, – бросила она, отворачиваясь.

– Еще посмотришь, – многозначительно произнес Теонард, стянув края плаща у подбородка.

Уши эльфийки раздраженно дернулись, она тряхнула серебристой копной и повернула голову так, что бы сидящие сзади могли видеть ее идеальный профиль.

– А вот мне кажется… – начала она, но не договорила.

Лотер легонько стукнул ее по плечу и схватился за внутренний карман лацерны. Эльфийка возмущенно выдохнула и открыла рот для гневной отповеди.

– Да погоди ты, – резко сказал ворг. – Вы это чувствуете?

Каонэль клацнула зубами и сомкнула челюсти, недовольная, что ее, в который раз, некрасиво прерывают. Лотер, пряча лицо от встречного ветра, нашарил пальцами осколок в кармане. Тот чуть нагрелся и завибрировал, как в таверне, когда обнаружил эльфов.

Все замолчали, прислушиваясь к ощущениям. Эльфийка медленно прикоснулась пальцами к складке корсета, человек потрогал карман.

Внизу показалось широкое плато, разрисованное кривыми линиями. Ворг пригляделся и понял – это трещины в горной породе. Но чуть дальше поверхность ровная, вокруг редкий лес. Во всяком случае, отсюда он кажется редким. Дальше горизонт темный и блестящий, словно спинка майского жука. Лотер инстинктивно потянул воздух. Нос уловил капельки влаги, которые звериное обоняние способно различить даже на такой высоте.

– Там что-то есть, – проговорил ворг уверенно и кивнул в сторону земли. – Снижаемся.

Глава 6

Каонэль наклонилась к лохматой голове и что-то прошептала в ухо зверю. Затем аккуратно прикоснулась к вибриссам на загривке. Нетопырь хрюкнул, правое крыло опустилось, и зверь пошел вниз по широкой дуге. Ветер загудел и снова ударил снизу, но наездники, наученные опытом, удержались.

Небо осталось за спиной, зато земля заполнила весь мир. Справа кудрявый ковер леса, с другой стороны – обширная вода, которой края не видно. Посередине плоский каменистый участок, изъеденный трещинами по краям.

– Садись ближе к лесу, – приказал ворг, высунув нос из нетопырьской шерсти.

Нетопыря тряхнуло, ветер сорвал слова и растворил, словно мед в кипятке. Теонард прекрасно расслышал, но эльфийка лишь выглянула из-под локтя и прокричала сквозь гул:

– Ты что-то сказал?

– В лес, говорю, давай! – заорал Лотер, мотая головой, потому что шерсть попала в глаз.

Она скривилась и крепче сжала коленями шею нетопыря. Тот, повинуясь приказу, взял левее, где лес превращается в реденькую рощу.

– Опять раскомандовался? – крикнула серая, натягивая волоски, словно поводья. – Вы мне осколки должны. Не забыл?

Лотер и Теонард промолчали. Когда нетопырь наклонил голову, напор воздуха усилился, все распластались по спине твари, чтобы легче держаться.

За время полета каждый по-своему приноровился к неудобствам, но Теонарду клетка на спине откровенно мешает – норовит сцепиться с ветром и выбросить человека в небо.

Он недовольно проворчал что-то под нос. Ворг посмотрел на Теонарда через плечо, показывая взглядом – скинь груз, живее будешь. Но человек только сильнее притянул лямки и вжался в лохматую спину.

– Ворг прав, – крикнул человек. – На открытое место опасно садиться.

Уши серой нервно дернулись, она сердито покосилась на Теонарда. От ветра ее волосы стали похожи на серебряные щупальца, зажившие собственной жизнью. Плащ скатался в бесформенную трубу, открывая затянутую корсетом спину.

– Пушок не приземлится среди деревьев, – произнесла она значительно. – Сядем, где сядем.

– Пушок?! – неверяще зарычал ворг, но в этот момент Каонэль резко подалась вперед, пригибая волоски в туже сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlovskiy_gay/citadel

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити